

МУЗЫКА

ЮЖНО-РУССКИХЪ ПѢСЕНЬ.

Пѣсни для Малороссіи — все: и поэзія, и исторія, и отцовская могила. Кто не проникнулъ въ нихъ глубоко, тотъ ничего не знаетъ о прошедшемъ быть этой цвѣтущей части Россіи.

Гоголь (о малороссійскихъ пѣсняхъ).

Важность народной поэзіи и народной музыки для изученія жизни даннаго народа — извѣстная истина, которую врядъ ли кто станетъ оспаривать. Ее проповѣдывали и ученые изслѣдователи, и поэты. Приведемъ, кромѣ выставленныхъ въ эпиграфѣ, еще краснорѣчивыя и высоко-правдивыя слова Гоголя: «Народныя пѣсни — это народная исторія, живая, яркая, исполненная красокъ истины, обнажающая всю жизнь народа. Если его жизнь была дѣятельна, разнообразна, своевольна, исполнена всего поэтическаго, и онъ, при всей многосторонности ея, не получилъ вышей цивилизаціи, то весь пылъ, все сильное, юное бытіе его выливается въ народныхъ пѣсняхъ. Историкъ не долженъ искать въ нихъ показанія дня и числа битвы или точнаго объясненія мѣста, вѣрной реляціи; въ этомъ отношеніи не многія пѣсни помогутъ ему. Но когда онъ захочетъ узнать вѣрный бытъ, стихіи характера, все изгибы и оттѣнки чувствъ, волненій, страданій, веселій изображаемаго народа; когда захочетъ попытать духъ минувшаго вѣка, общій характеръ всего цѣлага и порознь каждаго частнаго, тогда онъ будетъ удовлетворенъ вполне: исторія народа разоблачится предъ нимъ въ ясномъ величіи». — Это, разумѣется, относится прямо къ *словамъ*, къ *тексту* украинскихъ народныхъ пѣсень — богатѣйшему этнографическому матеріалу; но въ народныхъ созданіяхъ слова и музыка къ нимъ неразрывны; самые звуки пѣсень, безъ

сомнѣнія, столько же, если не болѣе, характеристичны, столько же, если не болѣе еще, важны, для уразумѣнія духа Украинцевъ. Гоголь не менѣе восторженно отзывается и о музыкѣ малорусскихъ пѣсень: »въ нихъ музыка«, говоритъ онъ, »слилась съ жизнью: звуки ея такъ живы, что — кажется—не звучать, а говорить, говорить словами, выговариваютъ рѣчи, и каждое слово этой яркой рѣчи проходить душу.... Ничто не можетъ быть *сильнѣе* народной музыки, если только народъ имѣлъ поэтическое расположеніе, разнообразіе и дѣятельность жизни, — если натиски насилій и непреодолимыхъ, вѣчныхъ препятствій не давали ему ни на минуту уснуть и вынуждали изъ него жалобы, и если эти жалобы не могли иначе и нигдѣ выразиться, какъ только въ его пѣсняхъ....«

Подтвержденіемъ этого поэтического отзыва изъ устъ не-музыканта, долженъ служить обстоятельный музыкально критическій этюдъ надъ музыкою южно-русскихъ пѣсень; такого труда до сихъ поръ еще сдѣлано не было, и вотъ въ чемъ будетъ наша задача.

Обсужденіе текста пѣсень со стороны ихъ азыка, ихъ внутренней поэзіи, словесной — дѣло литературное. Обсужденіе музыкальнаго склада южно-русскихъ пѣсень, вниманіе въ ихъ общій характеръ и во всѣ подробности, съ точки зрѣнія музыкальной, требуетъ особаго спеціальнаго знакомства съ самими пѣснями и значительную степень обще-музыкальной развитости. При этомъ, разумѣется, дѣло требуетъ, чтобы технические разборы народной украинской музыки были, сколько возможно, ближе принаровлены къ понятіямъ не-спеціалистовъ по музыкальной Technikѣ и изложены на столько не ремесленно и не безтолково, чтобы могли занять свое мѣсто въ журналѣ литературномъ, во второй половинѣ девятнадцатаго вѣка.

Мы, слава Богу, довольно далеко ушли отъ того времени, когда знаменитый профессоръ контрапункта, »Padre Martini« (бывшій наставникомъ и Моцарта), высказалъ австрійскому императору Іосифу II-му, что музыкальная критика — дѣло совсѣмъ *несбыточное*, потому что музыканты не умѣютъ быть литераторами, а литераторы, въ свою очередь, ничего не смыслятъ въ музыкѣ.

Въ наше время соединеніе дѣятельности литературной и технически-музыкальной не только-что перестало быть чѣмъ-то несбыточнымъ, но даже не принадлежитъ уже къ особенно-рѣдкимъ явленіямъ (достаточно вспомнить: Берліоза, Галеви, Фетиса, Маркса, Гауптмана, Шумана, Вагнера, Листа, Бюлова и т. д.)

Тѣмъ не менѣе, избранная нами задача представляетъ много весьма важныхъ затрудненій, по самой сущности дѣла.

Пѣсни народныя, какъ музыкальные организмы, отнюдь не сочиненія отдѣльных музыкально-творческихъ талантовъ, а произведеніе цѣлаго народа, и всѣмъ складомъ своимъ весьма далеки отъ музыки искусственной, сочиненной, вѣдѣствіе сознательнаго подражанія образцамъ, вѣдѣствіе школы, науки, рутины и рефлексіи. Это цвѣтки данной почвы, явившіеся на свѣтъ будто сами собою, выросшіе въ полномъ блескѣ, безъ малѣйшей мысли объ авторствѣ, сочинительствѣ, и, слѣдовательно мало похожіе на парниковые, тепличные продукты ученой композиторской дѣятельности. Оттого въ нихъ ярче всего выступаетъ — наивность творчества и та (по мѣткому выраженію Гоголя, въ Мертвыхъ Душахъ), *высокая мудрость простоты*, — главная прелесть и главная тайна всякаго художественнаго созданія.

Какъ лилія, въ своемъ пышномъ, цѣломудренномъ убранствѣ, затмѣваетъ блескъ парчей и драгоценныхъ камней, такъ народная музыка, именно своимъ дѣтскимъ простодушіемъ, въ тысячи разъ богаче и сильнѣе, нежели всѣ ухищренія школьной премудрости, проповѣдываемые педагогами въ консерваторіяхъ и музыкальныхъ академіяхъ.

Намъ возразятъ: «какъ! учености музыкальной будто вовсе ненужно? неужели какая бы то ни было въ свѣтѣ народная пѣсня можетъ соперничать — напримѣръ — съ симфоніей Бетховена?»

Нѣтъ, конечно, если брать симфонію въ ея всецѣлости; но симфоніи столь гениальныя, какъ бетховенскія, отнюдь не продукты *учености* музыкальной (какъ, напримѣръ, симфоніи и ораторіи композиторовъ не-гениальныхъ), а самостоятельные организмы, развившіеся въ великолѣпной сложности изъ немногихъ, самыхъ простыхъ, музыкальныхъ мыслей, какъ изъ зерна. Чтоже касается до самыхъ зѣренъ этихъ, до мотивовъ музыкальныхъ, служащихъ зародышами, эмбрионами развитыхъ музыкальныхъ организмовъ, то въ каждомъ народѣ, богатомъ своими пѣснями, навѣрное найдутся мотивы, которые способны посоперничать съ мотивами хотя бы и бетховенскими. Въ самой высшей изъ своихъ симфоній, въ *девятой*, Бетховенъ свою тему (пѣснь на слова Шиллеровой оды «къ радости», *An die Freude*), тему, пронизывающую всю симфонію насквозь, служащую основою, краеугольнымъ камнемъ для всего колоссальнаго зданія, приблизилъ, какъ нельзя больше, и вполне сознательно, къ дѣтски-простодушному характеру напѣвовъ народныхъ.

Родственность мотивовъ великихъ композиторовъ съ мотивами пѣсень

ихъ народа можно подкрѣпить и еще тысячами примѣровъ изъ Гайдна, Моцарта, Шопена, Глинки и другихъ. О внутреннемъ музыкальномъ богатствѣ мотивовъ въ народныхъ пѣсняхъ очень мѣтко выразился Л. М. Жемчужниковъ (Записки о Южной Руси, г. Кулиша, томъ II. стр. 7.). »Народная пѣсня, въ своихъ словахъ и музыкѣ, взятыхъ вмѣстѣ, полна чувства, мысли и, притомъ, необыкновенной простоты. Нѣтъ въ ней лишняго слова, нѣтъ лишней ноты. Это самородки, изъ которыхъ всегда можетъ черпать самый высокій талантъ.«

Съ этой стороны, великую правду и глубину заключаютъ въ себѣ и слова автора »Жизни за Царя« : »создаетъ музыку народъ, а мы, художники, только ее арранжируемъ.«

Между тѣмъ, такъ какъ музыкальная ученость и непосредственное музыкальное творчество всегда и вездѣ шли не рука объ руку, а развивались независимо другъ отъ друга, — народъ музицируетъ по своему, ученые — по своему; народъ знать не хочетъ ученой музыки, а ученые музыканты знать не хотятъ народной (этому свидѣтельствомъ — вся исторія музыки), и такъ какъ соединеніе, сліяніе истиннаго дара творчества и глубокой науки встрѣчается только въ немногихъ избранныхъ, то и для вѣрнаго аналитическаго обсужденія музыки — не сочиненной, а создавшейся въ народѣ — нужны условія, не совсѣмъ часто встрѣчаемыя.

Отвлекаться отъ привычныхъ намъ, вососнанныхъ съ музыкальнымъ воспитаніемъ, школьныхъ понятій, (не всегда вѣрныхъ основнымъ законамъ музыкальнаго творчества, и, до сихъ поръ еще, недовольно ясно сознаваемыхъ теоретиками); отвлекаться отъ того, что встрѣчаемъ на каждомъ шагу въ рутинномъ примѣненіи, отвлекаться для того, чтобы умѣть доходить до корней музыкальнаго склада и любоваться каждымъ свободнымъ изгибомъ музыкальной природы, неиспорченной рутинною, — дѣло несовсѣмъ легкое. Превосходно, именно объ этой сторонѣ музыкальнаго изученія, выражается гениальный знатокъ музыки, извѣстный нѣмецкій юристъ, Тибо (Ant. Fr. Just. Thibaut. *Ueber Reinheit der Tonkunst* III. *Ueber Volksgesange*) (1), »о народномъ пѣніи«).

(1) Книга юриста Тибо »о чистотѣ музыки« — при появленіи своемъ въ 1825 г. — была гласомъ вопіющаго въ пустынѣ. Ясность и здравость взглядовъ ея просвѣщеннаго автора на музыку старинныхъ итальянскихъ мастеровъ XVI столѣтія, совершенно заброшенныхъ въ концѣ прошлаго и въ началѣ нынѣшняго вѣка, казались, въ эпоху блистанія Россіи, какимъ-то бредомъ любителя музыкальной археологіи, диковинокъ музыкальной старины. Знатки музыки *ex professo*, т. е. сухіе, рутинные педанты, и практическіе музыканты, т. е. ремесленники музыкальнаго цеха, страшно вооружились про-

»Цивилизованный человекъ, для дальнѣйшаго своего образованія и наученія, непременно чувствуетъ потребность бесѣдовать съ людьми, замѣчательно-развитыми по своей специальной части. Но онъ никакъ не долженъ утрачивать драгоценной способности плѣняться красотой безискусственно-наивною, невинною. Культура далеко не всегда согласуется съ развитіемъ естественныхъ данныхъ и очень во многомъ, иногда, образованный человекъ долженъ поуступить — ребенку. О дѣтяхъ въ Евангеліи сказано: «ихъ есть царствіе небесное».

»Высшее въ человѣческомъ характерѣ — искренность, откровенность, правдивость. Но житейскія отношенія и цивилизація обыкновенно затемняютъ это качество; дѣлаютъ человека скрытнымъ, недовѣрчивымъ, лицемернымъ, лживымъ; между тѣмъ, дитя стоитъ предъ нами такимъ, какъ оно отъ природы, со всеми своими достоинствами и недостатками. Оттого, кто не знаетъ дѣтской души, тотъ не знаетъ и человѣческой души вообще. Въ счастливо-организованномъ ребенкѣ инстинктивно присутствуетъ мудрость, до которой мыслящій человекъ доходитъ долгимъ и тяжкимъ опытомъ.

»Эти общія истины вполне примѣнимы и къ музыкѣ. Высшее въ музыкальномъ дѣлѣ, что дается ученіемъ — написать правильно музыкальную пьесу, удовлетворяющую требованіямъ искусства. Но какъ часто наше искусство удаляется отъ природы; какъ часто — процессомъ искусства — слагаются продукты, гдѣ истинное вдохновеніе, т. е. природа, душа человѣческая — совершенно отсутствуетъ, продукты, которые, въ счастливѣйшихъ случаяхъ, способны возбудить нѣкоторое удивленіе, уваженіе, но симпатіи не возбуждаютъ никогда, ни въ комъ. Безъ преувеличенія можно сказать, что половина существующей въ свѣтѣ музыки — *вовсе не музыка*; это — родъ какой какой-то математики, безъ внутренняго, жизненнаго начала; подмостки для пустѣйшаго виртуозничанья пальцами или горломъ: — безмѣрно далеки отъ этого вреднаго для музыки направленія, чисты, непорочны, просты, какъ душа младенца, все пѣсни вышедшія изъ нѣдръ народа, или восприняты народомъ извнѣ, но получившія въ немъ самостоятельную жизнь.

тивъ взглядовъ Тибо, какъ не профессионалиста по музыкѣ, а только «дилетанта». Между тѣмъ, Тибо былъ совершенно правъ въ своихъ убѣжденіяхъ. Книга его пережила уже четыре изданія, и только теперь мысли ея автора оцѣнены вполне, вошли въ плоть и кровь современной намъ музыкальной критики. А имена профессионалистовъ — съ высоты величія спорившихъ съ Тибо — совершенно забыты.

Такія пѣсни всегда отражаютъ въ себѣ здоровое, сильное чувство человека, еще неиспорченного культурою, — и какъ родившіяся въ эпоху свѣжести, юности народа, неразрывно-связанныя съ великими народными событіями, — способны и въ людяхъ, уже далекихъ отъ первобытной простоты, возбуждать ощущенія сладостныя и отрадныя, какъ воспоминаніе дѣтства, — способны дѣйствовать на душу неотразимо.»

Украинскія пѣсни могутъ служить превосходнымъ, живымъ подтвержденіемъ вышеприведенныхъ словъ Тиббѣ; но при такомъ богатствѣ матеріаловъ, какое представляетъ южнорусская народная музыка, полный критическій этюдъ надъ нею дѣло — безъ сомнѣнія — вѣковое. Оно потребовало бы анализа и сличенія *всѣхъ* пѣсень и ихъ вариантовъ, живущихъ въ народѣ украинскомъ. Цѣлой жизни одного человека никакъ недостаточно на подобный подвигъ. Можно однако же положить этому нѣкоторое начало, къ чему и будутъ направлены наши усилія.

«Не мудрствуя лукаво», стараясь какъ можно ближе держаться практической стороны дѣла, мы намѣрены, даже и предварительныя работы надъ изучаемымъ народнымъ матеріаломъ, представить на судъ публики.

Критическіе и техническіе общіе выводы и заключеніе касательно музыки южнорусскихъ пѣсень, въ ея цѣломъ, могутъ быть выведены только изъ ближайшаго знакомства на дѣлѣ съ самими пѣнями, изъ проверки ихъ мотивовъ съ ихъ текстомъ, и изъ сличенія пѣсень между собою.

Здѣсь будутъ предлагаемы читателямъ пѣсни, записанныя изъ устъ народа, сколько можно вѣрнѣе и въ текстѣ и въ музыкѣ, и притомъ почти исключительно такія пѣсни, которыя до сихъ поръ еще не были помѣщены ни въ одномъ изъ печатныхъ сборниковъ малорусскихъ мелодій.

Къ мелодіи каждой пѣсни (съ ея словами, скандированными согласно музыкѣ, во всѣхъ куплетахъ, а не въ однѣхъ только тѣхъ строчкахъ, которыя подписаны подъ нотами напѣва) будетъ прибавлена гармонія, въ формѣ аккомпанимента на фортепіано, какъ инструмента наиболѣе доступнаго читающей публикѣ.

Подобная аранжировка или гармоническая обстановка данной народной мелодіи, по нашему мнѣнію, необходима, какъ живой музыкальный *комментарій* на характеръ самого напѣва. Гармоническая обработка всегда присуща и народу, который любитъ пѣть свои пѣсни не въ одинъ голосъ, а въ нѣсколько голосовъ, разомъ, съ ходами ихъ до-

вольно-самостоятельными, контрапунктическими, по счастливому музыкальному инстинкту.

Даже въ тѣхъ пѣсняхъ, гдѣ народъ поетъ не хоромъ, а единичными голосами, видоизмѣненія самой мелодіи, ея варианты, всегда чрезвычайно-разнообразные, своими оттѣнками дополняютъ мелодическое значеніе пѣсни и, выставяя выпукло то одинъ, то другой интервалъ, въ самомъ напѣвѣ, поясняютъ самымъ дѣломъ его гармоническій складъ.

Во всемъ этомъ, на практикѣ и въ критическомъ анализѣ пѣсень, встрѣчается для технической музыкальной ихъ обработки затрудненіе немаловажное.

Если вѣрное записываніе народной мелодіи знаками общеупотребительной нотной грамоты (для самого народа — чуждой) само по себѣ дѣло не совсѣмъ легкое, хотя бы и для опытнаго музыканта, такъ какъ представляетъ иногда и въ оттѣнкахъ интерваловъ (четверти тона, — какъ увидимъ впоследствии) и, особенно, въ размѣрѣ, въ ритмѣ, нѣкоторыя несоразмѣрности съ формами западной музыки, итальяно-нѣмецкой, на которой мы выросли, — то «гармонизація» пѣсень народныхъ — дѣло еще болѣе тонкаго и щекотливаго свойства. И чѣмъ глубже музыкантъ вникаетъ въ свою задачу въ этомъ случаѣ, чѣмъ вѣрнѣе чувствуетъ и сознаётъ *идеалъ* своей работы, тѣмъ достиженіе этого идеала становится для него самого затруднительнѣе.

Каждая мелодія, какъ послѣдованіе музыкальных звуковъ, подъ условіями обще-извѣстными и вполне *естественными*, для мелодическаго звуко-сочетанія вообще, — *очень легко* допускаетъ себя аккомпаниментомъ рядъ аккордовъ. Оттого всякій, сколько-нибудь знающій свое дѣло музыкантъ, особенно изъ нѣмцевъ, не призадумается нимало подставить аккомпаниментъ къ любой украинской пѣснѣ.

Только на повѣрку послѣ выйдетъ, что изъ сотни случаевъ (конечно — и девяносто девяти) нѣмецкій фасонъ аккомпанимента къ пѣснѣ, приходится для нея столько же кетати, какъ нѣмецкаго или французскаго покроя фракъ и бѣлый жилетъ будутъ къ лицу плотной, здоровой фигурѣ величаваго чумака, или какъ парижскій кринолинъ будетъ кетати на пышномъ безкорсетномъ станѣ какой-нибудь сельской красавицы, Одарки или Ганнуси.

Обыкновенный музыкусъ, привыкшій, съ высоты своей цеховой учености, смотрѣть на простонародныя пѣсни съ тушѣйшимъ презрѣніемъ, не посовѣтится — записывая нотами данную народную мелодію — «попереправить», т. е. исказить въ ней все, что, по его дюжиннымъ поня-

тіямъ, покажется ему угловатымъ, шереховатымъ, не подходящимъ подѣ правила (!) музыкальной теоріи (которыхъ, въ сущности, и *нѣтъ* совсѣмъ на свѣтѣ), — не призадумается замѣнить одинъ неудобный, для пошлыхъ аккордовъ, интервалъ другимъ, болѣе «правильнымъ», т. е. обыкновеннымъ, — не призадумается втиснуть въ одинъ тактъ мотивъ, непремѣнно требующій двухъ тактовъ, или, на-оборотъ, растянуть въ два такта, то, что въ пѣснѣ звучитъ въ одномъ (или и вовсе безъ такта); не призадумается и вообще навязать пѣснѣ ритмическое движеніе, *непохожее* на ея оригинальную сущность, но болѣе сближенное съ ритмами, которые звучатъ во внутреннемъ слухѣ рутиннаго музыканта, навѣянные тою музыкаю, среди которой онъ плаваетъ во вседневномъ своемъ обиходѣ, какъ рыба въ садкѣ.

Между тѣмъ, въ этихъ кажущихся шереховатостяхъ, угловатостяхъ, неправильностяхъ (!) мелодическихъ, гармоническихъ и ритмическихъ, всегда заключается главная особенность пѣсни, ея характеръ, колоритъ, неразрывно-слитый съ ея поэтической задачею, съ внутреннюю органическую идею, вызвавшую эту пѣсню на свѣтъ Божій.

Иногда такого рода отѣнки тонки, деликатны какъ блестящая пыль на крылышкахъ мотылка. А сколько нашлось между музыками вандаловъ, которые своею грубою рукою, то и дѣло, что соскабливаютъ эту драгоценную пыль, какъ что-то ничтожное и лишнее.

Ясно, что и въ гармонической обработкѣ малорусскихъ пѣсень, подѣ рукою подобнаго рода мастеровыхъ музыкальнаго цеха, являлась или безцвѣтная пошлость, или вычурность, затѣйливость, въ прямомъ разнорѣчій съ характеромъ пѣсни, являлась вообще та «деревянность» бездарности, на которую и Гоголь не забылъ пожаловаться въ своей статьѣ объ украинскихъ пѣсняхъ ⁽¹⁾.

Пѣсни эти, какъ всѣ народныя, весьма просты въ своемъ складѣ. Мелодія ихъ, своимъ естественнымъ ходомъ, вызываетъ гармонию, столько же простую. Но угадать такую простоту *вполнѣ*, — нигдѣ, ни на одинъ волосокъ не отступитъ отъ той внутренней, подразумеваемой гармоніи, которая зародилась вмѣстѣ съ мелодическимъ напѣвомъ и служить ему основою, — останется простымъ, безъ бѣдности и однообразія, умѣтъ придать аккомпанименту требуемую духомъ и смысломъ пѣсни жизнь

(1) «Даже и музыка малороссійскихъ пѣсень не появлялась никогда вполнѣ. Бездарный композиторъ безжалостно разрывалъ ее и кленалъ въ свое *безчувственное деревянное созданіе*.»

звукѣвъ, не впадая притомъ нигдѣ въ вычурность, не уводя аккомпанимента въ область музыкальных сочетаній — красивыхъ, занимательныхъ, только — для украинскаго мотива — чуждыхъ, — все это вмѣстѣ составляетъ задачу глубоко-художественную, которую врядъ ли кто можетъ иначе разрѣшить, какъ только отчасти, приблизительно.

Трудность этого дѣла увеличивается и тѣмъ еще, что тотъ, кто почувствуетъ въ себѣ призваніе для музыкальной разработки украинскихъ пѣсень, можетъ весьма скоро увлечься въ сторону, именно вслѣдствіе своихъ же музыкальных силъ, которыя будутъ искать себѣ большаго простора, нежели сколько требуетъ пѣсня. Кромѣ способности и знанія, такая художественная задача требуетъ еще и значительной степени самоотверженія, смиренія мысли. Это все условія, слишкомъ не часто встрѣчаемыя.

При отсутствіи возможности долго изучать хоровое пѣніе пѣсень на мѣстѣ, въ самой Украинѣ, пособіемъ для соблюденія мѣстнаго колорита при обработкѣ пѣсень можетъ служить безирерывная *проverka* гармонизаціи пѣсень (сдѣланной предварительно, въ видѣ опыта) внутреннимъ инстинктивнымъ чутьемъ природныхъ Украинцевъ, посвятившихъ себя изученію пѣсень своего народа.

А. СѢРОВЪ.

(Продолженіе будетъ).

ЛИСТІ СЪ ХУТОРА

ЛИСТЪ III.

ЧОГО СТОІТЬ ШЕВЧЕНКО, ЯКО ПОЕЗТЬ НАРОДНІЙ.

Чуємо й ми по хуторахъ, що вмеръ Тарасъ Шевченко. Тяжкѣ горѣ, що немає вже на свѣті великого поэта, и святѣ передъ Богомъ усяка слѣзіна, що пала на ёго домовину: слізки своїми зложили ми цінунъ подвижникові рідного слова, котóre одно становить нашу народню силу, нашу народню славу, — одно дає намъ право на ділницю міжъ иншими народами. Поки міжъ нами живъ Шевченко, отдавали ми ёму шанобу, яко високому поетові, и очі одвертали одъ усякої хибѣ ёго и упадку на тяжкій, одинокій дорозі; якѣ жъ велике було ёго діло, що вінъ зробивъ для насъ Українцівъ и що були бъ ми безъ Шевченка, — се вже теперъ тільки уповні намъ відкрилося.

Занедбали здавна вже письменні городяне нашъ сільскій неписьменний людъ зъ ёго недрукованою мовою; до чужихъ людей розумомъ пригорнулися, до тихъ людей, що середъ великої громади темного люду невеликою кұпою держятця и самі тільки одинъ одного, мовъ у кагалі, розуміють, и байдужѣ імъ, що покинули далеко позадъ себе нечисленні тисячи неписьменнихъ. Слідомъ за ними й наши письменники поплентались и вкупі зъ ними узялись до роботи — книжкѣ академічнімъ якимся складомъ писати, и вже своєю славою величались, що одну книжню акаде-

мічню мову одь моря до моря, мовъ який невідъ, на людські душі закинули. Великимъ симъ писателямъ и строителямъ рѣчи книжнѣй було байдуже, що весь нашъ простий людъ, скрізь той невідъ, здавався недорікою, байдуже й на те, що не було сѣмъ людові иншого ходу въ письменство, тільки мусивъ рідного простого и виразного свого слова зрѣтися. Одаючи тоді въ школи дітей, наши хуторяне все одно, що въ москалі оддавали, бо черезъ те письменство химерне мѣшало въ насъ людей, которі по-нашому розмовляли и по-нашому на Божий миръ дивилися, и по-нашому міжъ селянами оберталися.

Тутъ же намъ городяне здоровий розумъ и чистий смакъ своїми книжками каламутять, а тутъ — сусіль! увійшовъ до нашої простої хати чоловічокъ, по-нашому прибраний, нашихъ ніби й звичаївъ, нашої й мови, та й почавъ якісь вірші про якогось Енея слезувати. То-то бъ, здається, треба намъ зрадити! по-нашому чоловікъ віршує! Та ба! бодай такъ и не віршувати! Заразъ де-которі постерегли, що воно за пройма. »Придивітесь лишень«, кажуть, »до сего чоловічка зблизька: се городянський панокъ по-нашому прибрався. Гляньте: у єго й панська хода и вся удача панська, а мовою своєю вінъ тільки насъ передражнює и на сміхъ підіймає. Се вінъ глузє зъ нашихъ звичаївъ, зъ нашої батьківщини, зъ нашої простоти, що ми, бачъ, панських присмаківъ не знаємо, та панських фухівъ не заводимо, та панських річей солідких цураємось. Гляньте: въ єго Еней про рідну матіръ передъ громадою такі рѣчи говорить, що хочъ втікай изъ хати; слухайте, якъ вінъ нашими звичаями ганьбє, якъ вінъ українське слово перековєрзує. Се намъ пані такє дзеркало подарували, що якъ погляне въ єго простий чоловікъ, то й самъ себе не пізнає«.

Оттакій далі тому віршованню судъ наші розумні люде, и одвернулася усяка ясна душа одъ перекуєвдженого не знать по-якому Енея. Ажъ тутъ *Маруся* Квітчина до насъ у хату завітала. Серденько кохане! яке жъ ти любє намъ та поважнє після того цигана троянського здалось! Се наша душа на Божому лоні по-нашому заговорила. Се перва була книжка, котора тимъ же духомъ, що й слово Учителя благого, дихала. Тимъ самимъ поглядомъ Квітка на насъ, простихъ людей, подивився, що й той великий чоловіколюбєць. Здивувалися ми, якъ ясно засиявъ нашъ

народній образъ, дарма що на ёмъ пахарський піть густімъ піломъ припавъ. Глибоко глянули ми съ Квіткою въ дѣшу свого прѣстого люду и самі загадалися, звідкіля въ ёго та глибиня не-сказання....

Загадалися, ажъ тутъ Шевченко голосно на всю Україну озвався, мовъ усі співи народні и всі людські слѣзи разомъ заговорили. Піднявъ вінъ зъ домовинъ нїмѣ нашу памѣть, вїззавъ на судъ нашу мовчазну старосвїщину и поставивъ передъ нею Українця, який вінъ есть тепѣрь, якимъ вінъ черезъ свою исторію стався. Хто жъ би тутъ не домислився, або душею не почувъ, що, викупавшись у своїй крові, перебувши нечисленні руїни и пожєжи, мисли наші прѣдки багато у свою дѣшу одъ давнїхъ часівъ зачерпнѣти! Намалювавши самъ себе у своїхъ дѣмахъ, намалювавши старого Перебѣндю, бѣтька й матірѣ Катерини, та й самѣ Катерину зъ її щїримъ коханнямъ и великими мѣками, Шевченко заразъ явивъ високій историчний спѣсѣбъ словесної живописі; бо й ёго власний образъ духовний и вся та сімѣя ріднихъ ёмѣ душъ — всі вони були историчні чѣда нашої старосвїщими. Узявъ вінъ голосъ и складъ своєї рѣчи високої одъ тихъ пісень и думъ, що вже тільки ми, хуторяне, слѣхали и сѣрцемъ розуміли; душа поезіи нашої народної не-письменної стала сѣ душею ёго мѣзи. Широко вінъ обнявъ Україну зъ її могилами кривавими, зъ її страшною славою, и співану народню рѣчь обернувъ на живописъ того, що було и що есть на Вкраїні. Ёго устами ввесь нашъ народъ заспѣвавъ про свою дѣлю: тимъ ёго слово голосною луною розлягло сѣ усюди, де лилась наша кровь, де лежать наші кѣсти, — усяке сѣрце одъ ёго співу стрепенѣлося.

Квітка первий зрозумѣвъ поезію нашихъ народнихъ звичаївъ, яко семѣ благої, праведно людської. Шевченко намъ явивъ поезію нашої жїзни народної. Квітка здивувавъ насъ усіхъ, показавши велику героїчну дѣшу въ тихому, смірному образі пахарському, въ сѣльському житті прѣстому. Шевченко давъ намъ збагнути її глибиню таємничу: вїззавъ вінъ передъ наші очі забуту давнину українську, и побачили ми, що сѣ душа смиренна не днями, не годами, а цѣлими вѣками, въ бѣдахъ и напѣстяхъ пробувала, та й не зникчѣмнїла, не знітилася, нечестивїй волі слугою не вчинїлася, а глибоко сама въ сѣбе входила и, понѣро середъ лукавихъ людѣй стоячи, своєї пори, своєї дѣли мѣвчки ви-

глядала. Отъ же, якъ осіяла Квітку, зъ ёго простодушними тво-рами, огнѣнная поезія Шевченкова, тоді розумно стало намъ, що Наумъ Дротъ — той же Кішка Самійло народній, бо відержавъ вінъ пробу не меншу одъ Самійлової, живучи дома на чужині, и, вікъ за вікомъ бідуючи, не погнувся, не знизився духомъ твердимъ и високимъ.

Шевченко — нашъ поетъ и первий историкъ. Шевченко перше всіхъ запитавъ наші німі могили, що вони такѣ, и одному тільки ёму дали вони ясну, якъ Божѣ слово, одповідь. Шевченко перше всіхъ додумався, чимъ наша старосвіщина славна и за що проклянуть її грядущі роди. Такъ, якъ ёму самому пісня народня дала тонъ до високої рѣчи, такъ и вінъ давъ намъ усімъ праведний тонъ, якъ намъ своє слово стріити. Високо надъ нами піднявъ Шевченко поетичне світло своє — и стало видно по всій Україні, куди зъ насъ коженъ мусить простувати. При сёму світлі всякому стало розумно, який справді славетний та велічний у своїй простоті той сільскій миръ, съ которого Квітка вибравъ свою Марусю зъ її семъею поетичною. При сёму світлі всяке побачило, що наші звичаї народні — та жъ сама исторія народнего духу нашого, що й народня пісня, що й народня дума, тільки не всякому, а височому, поетичному погляду одкривається їхъ краса и повага. Всяке розумне зрозуміло, що намъ у своїй словесності ні-за-кимъ слідомъ йти, якъ тільки за своїмъ гѣніємъ народнімъ, котрий мовчить у нашихъ панських та чернечихъ літописяхъ, нішкомъ живе въ звичаяхъ и голосно говорить тільки въ народній думі та пісні.

Бувъ на світі Коніський — и своєю *Исторією Руссовъ*, мовъ якою завісою малѣваною, закривъ одъ насъ старосвіщину, ажъ поки Шевченко не розідравъ, не роспанавъ тії завіси. Прийшовъ слідомъ за нимъ Котлярѣвський — и своєю *Енеїдою* изробивъ зъ нашої простої жи́зні зъ її звичаями розумними мовби якийсь смітникъ за панськимъ задвіркомъ. Одвернулися одъ того смітника обидва наші поети и появи́ли іншихъ Українцівъ зъ Українками въ *Марусі*, въ *Сердешній Оксані*, въ *Козирь-Дівці*, въ *Катерині*, *Наймиці* и въ іншихъ праведнихъ утворахъ поетичнихъ.

Квітка первий довівъ Українцівъ до слізъ мовою українською, и тимъ намъ показавъ, що ми ще не звелись ні на що: есть

бо въ насъ що розказати по-своєму, есть надъ чимъ заплакати. И великого, мабуть, стоить народъ нашъ прѣстий у своїхъ домо-тканихъ свитинахъ, коли, ввійшовши въ ёго сѣмью, найрозумнѣй-ший, найучѣншій зъ насъ має собі ту сѣмью за свою рідну, — самий могутий и прославлений зъ насъ, самий високій и чистий дѣхомъ не одцуравсь би Марусю рідною сестрою звати, и її матірѣ — рідною матірью, и її батька — ріднимъ батькомъ. От-такимъ-то людомъ убогимъ и смиреннимъ Квітка нашъ передъ усімъ світомъ похвалився: чи є мовъ такий другий на всьмъ сві-ті великому?

Скупились ми коло Квітки, скільки насъ було тоді одні віри, одного розуму. Мало було насъ, бо іншихъ невірна городянська наука знівечила, а тихъ нѣжда до землі прихилила; а все жъ почули ми глибоко въ сѣрці, що ми — ми, и справивъ се велике діло Квітка. Шевченко заставъ насъ уже готовими слухами ёго думи смутні, и до невеличкої громади нашої почавъ земляківъ зо всьго світу скликати.

Озвались до кобзаря зъ ріднимъ витаннямъ на Кавказі, на Сибірі, за Бендерами, за Слѣпчю и за Дунаємъ. Що тільки жи-вѣ було зъ українського роду по всьмъ світові, все стрепенулося, нашоростило уши и въ сѣрце прийняло благовѣствовання своєї народности. Шевченко ставъ мовъ би високимъ корогвомъ середъ роспорощеного на тисячахъ миль нашого люду, и съ того часу всі въ насъ поділились на живихъ и на мертвихъ, та и довго ще ділитимуться. Слово ёго животворяще сталося ядромъ нової сили, про котору не думали и не гадали за Котляревскаго най-розумнѣйшій зъ нашихъ земляківъ, а та нова сила — народність. Вона насъ родичами поміжъ собою поробила, у братню сѣмью зєдначила и наше українське суть на віки вічні утвердила. Шевченко чистимъ подвигомъ словеснимъ докінчавъ діло, за ко-торе гетьмани наши нечистимъ сѣрцемъ бралися. Шевченко, воз-двигши изъ упадку голосну мову українську, назнаменавъ широкі граніці нашому дѣху народньому. Теперъ уже не мечемъ на-ше народне право на вражихъ твердіняхъ зарубане, не шпар-галами и печатями супротивъ лукавства людського ствержене: у тисячахъ вірнихъ душъ українськихъ воно на самому дні захо-ване и тисячолітніми споминками запечатане.

Слово, не що інше, якъ рідне слово, вернуло намъ повагу

міжъ народами и нову підвалину підъ нашу жизнь историчню підкинуло. Взявъ бо Шевченко свою чудотворню річъ не зъ гордівъ великихъ, не зъ академий самопрославленихъ, не зміжъ товариства блискучого и всевлáднёго: все те минувъ вінъ, занебавъ и покинувъ, тільки хуторська й сільська мова ёму до ёго великого діла здалася; тільки по сёлахъ, по прѣстїхъ хатахъ шукавъ вінъ для своїхъ поэмъ людей духомъ великихъ, серцемъ чистихъ, поважнихъ, високихъ. Черезъ сихъ-то людей, черезъ їхъ дүши поетичні, праведні, вся тайная въ старосвіщині нашої ёму відкрилася; сі-то люде, забуті исторією панською, надалі ёму сили дрєвні могили розкривати и по скривавленій землі, якъ по пергаментахъ, правду святү вичитувати. Ихъ самостайнимъ духомъ вірісь вінъ до тихъ творівъ високихъ, що безъ друкарні по всьму світу ширатця, що на всіхъ щїрихъ серцяхъ українськихъ огнєвними словами надрукóвані. Вони далі ёму крила піднятісь надъ землею якимся образомъ не-сєгосвітнімъ, величнимъ и зъ вишшині всі людські дүши оглядіти и оплакати. Вони—наша исторія жива́я, наші голосні литóписі—поставили передъ ёго очима й Прометєя, въ котóрого криваве серце щогодини вмірає и щогодини оживає. Ихъ нескінченно живі дүши навчили ёго говорити и до мєртвихъ, и до неварождєнихъ.

Провівши нашу исторію черезъ прѣстїй, здоровий рózумъ народній, вінъ давъ їй новий образъ, — не той, що въ Коніського; а провівши нашъ народъ по ёго исторії, не тимъ вінъ намъ ёго явивъ, що въ Котлярєвського. Очистивъ вінъ исторію одъ усякої омáни правдивимъ и високимъ духомъ народнімъ, и споминками старосвітськими передъ розумними людьми вповаживъ. Сь того часу нову жизнь почала Україна, и хто брався до роботи громадської не сліпуючи, той добре знавъ, зъ яко́го боку вхопитись и куди простувати. Широ́кимъ ходомъ пішло наше народне діло — не казавъ би то во ім'я всіхъ земляківъ, во ім'я всіхъ вірнихъ душъ українськихъ. Підъ корогвомъ Шевченковимъ ми ніби вернулись до домівки святої сь чужої чужоземщини, и рідна словєсность сталась для насъ службою Господу правди. Після ёго величїєї, святої рєчи, Котлярєвщина зневагою святині нашої здалася, и благєнькі вірши нашихъ пустоцвітківъ тільки той лепєтавъ, мовъ дитина, кому не страшно дрібний свій гомінъ піднімати середъ народнєї молитви. Замо́вкла була наша

словесність на якійся часть, прислухаючись до поважного благовістування поезії Тарасової, и благодатна була тіша, середь котόрої поетъ дававъ намъ нові закони слова українського. Не мале творивъ вінъ діло тимъ благовістуваннямъ: вінъ пззивавъ забутихъ у рідну сѣмью, міжъ ті люде, котόрихъ ми праведно людми величаємо. Слово було пробою забутимъ, чи достойні вони такого товариства, чи воскреснуть изъ свого сну, котόримъ вони мусили спати десятки и сотні роківъ. Слово було їхъ правомъ віковичнимъ на володіння тимъ, чогό, мовлявъ, ніхто не добѣе и не розруйнує. Словомъ скріплявъ новий союзъ братерський, нова сѣмья українська....

Отό жъ Шевченкове діло! отό місто Тарасове въ нашії народності. Постаивши собі за найвісчий взіръ творчества велику душу народню, назнаменавъ вінъ нашимъ письмѣннымъ людемъ дорόгу просту, ні въ кого не питану. Теперъ ужѣ тільки той у насъ бѣде робітникъ не нікчѣмний, хто йтиме впередъ великої народнѣї громади, знаючи її нѣжду дѣховну, маючи її смакъ чистий, дивлячись її поглядомъ праведнимъ. Тимъ-то не хто, якъ хуторяне та селяне, знають и чѣють душею, чогό стоявъ Шевченко. Вінъ їхъ вивівъ, наче Израїля, изъ кнѣжнѣї неволі, въ котόру були городяне взяли всякий рόзумъ письмѣнный; вінъ скінувъ зъ нихъ ганьбу всесвітню, що вони люде — ні до чогό; вінъ возвеличивъ їхъ образъ дѣховний и вѣставивъ єго на взіръ передъ цивилізованимъ міромъ: дивітєсь, зѣмлі и панства просвѣщенні: тисячу роківъ сей людъ убогий себе памятає, и тисячу роківъ, у своїй темноті и недостаткахъ, тільки мѣжу громадському вінъ корився; хто зъ єго вгору вибивався и панською пихою одъ людѣй одрѣзнявся, вінъ єму не кланявся; вінъ єго, мовъ порчену кровь, извергавъ изъ себе; вінъ тільки громаду величавъ «великимъ чоловікомъ». Се возвѣстивъ я людемъ симъ простимъ и вбогимъ слово велике, праведне, во віки и віки непохѣбне, и вони єго зрозумѣли, гарячими слѣзми своїми єго скропили-освятили, и слово моє станетця въ нихъ силою неоторімою. Не збавить єму сили ніяка сила земная, и, поки світу сонця, поти воно не забудетця. Пійдуть колись въ непамять славні діла и триумфи великихъ городянъ, що зъ високої високости на васъ, мої сиротята, позирають, а вашъ образъ дѣховний черезъ моє слово ніколи не забудетця. Сотворивъ я вамъ словомъ своїмъ

вічную пам'ять, а самихъ васъ учинивъ собі самому вічною пам'яттю міждо живими.

Такъ промовляє сумній душі нашої душа Тарасова. Їго смерть якъсь нову, свіжую силу надала єго поезії, и въ насъ по хуторахъ и селахъ почали її заново читати. Усяке слово єго теперъ якимся новимъ світомъ сяє, и дивомъ намъ здається, що такий поетъ недавнічко ще живъ міжъ нами. Невелика книжка зъ єго писання вийде, а про ту книжку можна въ-десятеро більшу написати. Нехай же сю працю візьмуть на себе люде дотепніші, а зъ насъ буде й того, що ми, якъ думами, якъ серцемъ чули, такъ про Тараса попросту й написали. Слава тобі, Тарасе, поки на Україні хочъ одне дівча рідну пісню співатиме, поки хочъ одна мати по-своєму дитину голубитиме, поки хочъ одинъ батько не чужимъ словомъ про давні могили сину говоритиме!

Хуторянинъ.

ДВѢ РУССКІЯ НАРОДНОСТИ.

(Письмо къ редактору.)

Явленіе *Основы* возбуждаетъ вопросъ, который, какъ кажется, долженъ быть однимъ изъ важѣйшихъ, какіе подлежатъ разрѣшенію при современныхъ условіяхъ. Ваша *Основа* поднимаетъ знамя *русской* народности, но отличной отъ той русской, какой многими исключительно присвоено это названіе. О ея существованіи не можетъ быть сомнѣнія, коль скоро она сама о себѣ заявляетъ. Итакъ тѣ, которые говорили: русская народность, и понимали подъ нею что-то единственное, самосущее, ошибались; они должны были говорить: русскія народности. Оказывается, что русская народность не едина; ихъ двѣ, а кто знаетъ, можетъ быть ихъ откроется и болѣе, и тѣмъ не менѣе онѣ — русскія.

Мы какъ будто возвращаемся вспять: выплываютъ наружу погребенные элементы давно-прошедшихъ временъ, когда слово *Русь* имѣло обширное и тѣсное значеніе, когда Русскій міръ составлялъ цѣль самобытныхъ, но внутренне связанныхъ частей; внутренняя жизнь разрываетъ вѣдѣнную кору; тождество оказывается призрачнымъ. Кромѣ господствующей во вѣдѣщемъ мірѣ русской народности, является теперь другая, съ притязаніями на равныя гражданскія права въ области слова и мысли.

Въ чемъ же ихъ отличіе и въ чемъ ихъ сходство? Что даетъ поводы признавать не одну Русскую народность, и что побуждаетъ считать ихъ равно русскими?

Вѣдѣнныя отличія найти не трудно. Стоитъ поставить изображенія Великороссіянина и Южнорусса рядомъ въ ихъ костюмѣ, съ ихъ поступью, съ ихъ наружнымъ видомъ; потомъ описать образъ домашней жизни того и другого, ихъ домашнія обычаи, обряды, приемы хозяйства, нако-

нецъ изложить сущность ихъ нарѣчій. Но все это будетъ выраженіемъ того, что скрывается въ глубинѣ души; послѣднее служить источникомъ являемаго внѣшнимъ міромъ. Вотъ эту-то духовную сущность надобно намъ разъяснить и опредѣлить, ибо только она можетъ показать, чего слѣдуетъ намъ надѣяться отъ литературнаго развитія той русской народности, которая теперь вступаетъ въ права свои.

Безъ всякаго сомнѣнія, географическое положеніе было первымъ поводомъ различія народностей вообще. Чѣмъ народъ стоитъ на болѣе дѣтской ступени цивилизаціи, тѣмъ болѣе и скорѣе географическія условія способствуютъ сообщенію ему своеобразнаго типа. Не имѣя твердыхъ началъ, народы легко измѣняются, переходятъ съ одного мѣста на другое, ибо запасъ воспитанія, полученнаго на прежнихъ жилищахъ, слишкомъ скуденъ, и развиваясь на новосельѣ, они принимаютъ и усваиваютъ легко новыя условія, какія сообщаются имъ характеромъ мѣстности и степеніемъ обстоятельствъ. Борьба можетъ быть тѣмъ незначительнѣе, чѣмъ менѣе въ народѣ того, на что можно опереться. Но тѣ, которые на прежней родинѣ успѣли получить что нибудь такое, что удовлетворяло ихъ, сознавалось полезнымъ или священнымъ, тѣ, и перемѣняя отечество, переносятъ въ него старыя зачатки и они для нихъ становятся точками опоры, когда условія новаго отечества начнутъ побуждать ихъ къ самоизмѣненію. Понятно, что Англичанинъ, переселившійся близко къ тропикамъ, долго будетъ сохранять свою цивилизацію, свои привычки и понятія, пріобрѣтенныя воспитаніемъ на своемъ сѣверномъ островѣ. Напротивъ, если бы перевести толпу американскихъ Индійцевъ въ Россію, то, при сообщеніи съ Русскими, они бы усвоили образъ господствующей туземной народности; если же бы оставить ихъ изолированными отъ сближенія съ сѣвѣрною образованностію, они, въ ближайшихъ поколѣніяхъ, измѣнились бы сообразно климату, почвѣ и мѣстности, и образовали бы сами изъ себя совершенно новую народность, въ которой только слабыми чертами отзывалось бы то, что напоминало ихъ прежнюю отдаленную родину. Въ глубокой древности, во времена юности народовъ, переходы ихъ изъ края въ край порождали всеобразные типы и образовали народности.

Но народы не измѣнялись и ихъ народности не формировались отъ однихъ переходовъ и вообще отъ географическихъ условій. Вмѣстѣ съ тѣмъ дѣйствовали жизненныя историческія обстоятельства. Переходя съ мѣста на мѣсто, они не оставались изолированными, но находились въ сношеніяхъ или въ столкновеніяхъ съ другими народами; отъ взаимнаго

твенія зависѣло ихъ развитіе и образованіе жизненныхъ формъ. Другіе подвергались измѣненіямъ, не перемѣняя жительства, отъ наплыва или вліянія сосѣдей и пришельцевъ; наконецъ, такіе или иные повороты ихъ общественнаго быта отпечатлѣвались на народномъ существѣ и клали, на будущія времена, особыя примѣты, не сходныя съ прежними, и такимъ образомъ мало по малу народъ въ теченіи временъ измѣнялся и становился уже не тотъ, чѣмъ былъ нѣкогда. Все это составляетъ то, что можно однимъ словомъ назвать историческими обстоятельствами. Здѣсь болѣшая или меньшая степень развитости цивилизаціи способствуетъ скорѣйшему или медленному дѣйствію вліянія измѣняющихъ началъ. Все здѣсь происходитъ по тому же закону, какъ и тогда, когда измѣненія производятся географическими условіями. Народъ образованный крѣпче стоитъ за свое прежнее, упорнѣе хранитъ свои обычаи и память предковъ. Завоеванная Римомъ Греція покоряется потомъ Римъ своею образованностию, тогда какъ завоеванная тѣмъ же Римомъ Галлія теряетъ свой языкъ и народность, уступая болѣе образованнымъ и сильнымъ завоевателямъ. Встрѣча съ народомъ слабѣйшимъ укрѣпляетъ народность сильнѣйшаго, какъ встрѣча съ сильнѣйшимъ ослабляетъ.

Образованіе народности можетъ совершаться въ разныя эпохи чело-вѣческаго развитія, — только это образованіе идетъ легче въ дѣтствѣ, чѣмъ въ зрѣломъ возрастѣ духовной жизни чело-вѣчества. Измѣненіе народности можетъ возникнуть отъ противоположныхъ причинъ: отъ потребности дальнѣйшей цивилизаціи и отъ оскудѣнія прежней и паденія ея, отъ свѣжести, живой молодости народа и отъ дряхлой старости его. Съ другой стороны, почти такое же упорство народности можетъ истекать и отъ развитія цивилизаціи, когда народъ выработалъ въ своей жизни много такого, что ведетъ его къ дальнѣйшему духовному труду въ той же сферѣ; когда у него въ запасѣ много интересовъ для созиданія изъ нихъ новыхъ явленій образованности, и отъ недостатка внѣшнихъ побужденій къ дальнѣйшей обработкѣ запасенныхъ матеріаловъ образованности; когда народъ довольствуется устроеннымъ строемъ и не подвигается далѣе. Последнее мы видимъ на тѣхъ народахъ, которые приходятъ въ столкновеніе съ такими, у которыхъ силы болѣе, чѣмъ обыкновенно: верхніе слои у этихъ народовъ усваиваютъ себѣ народность чужую, народность господствующую надъ ними, а масса остается съ прежнею народностию, потому что подавленное состояніе ея не дозволяетъ ни собраться побужденіями къ развитію тѣхъ началъ, какія у ней остались отъ прежняго времени, ни усваивать чуждую народность велѣдъ за верхними слоями.

Литература есть душа народной жизни, — есть самосознание народности. Безъ литературы послѣдняя — только страдательное явленіе, и потому чѣмъ богаче, чѣмъ удовлетворительнѣе у народа литература, тѣмъ прочнѣе его народность, тѣмъ болѣе ручательствъ, что онъ упорнѣе охранитъ себя противъ враждебныхъ обстоятельствъ исторической жизни, тѣмъ самая сущность народности является осязательнѣе, яснѣе.

Въ чемъ же состоитъ эта сущность вообще? Выше мы сказали, что явленія вѣтшней жизни, составляющія сумму отличій одной народности отъ другой, суть только наружные признаки, посредствомъ которыхъ выражаетъ себя то, что скрывается на днѣ души народной. Духовный составъ, степенъ чувства, его пріемы или складъ ума, наравленіе воли, взглядъ на жизнь духовную и общественную, все, что образуетъ нравъ и характеръ народа, — это сокровенныя внутреннія причины, его особенности, сообщающія дыханіе жизни и цѣлостность его тѣлу. Все, что входитъ въ кругъ этого духовнаго народнаго состава, не высказывается по одиначкѣ, отдѣльно одно отъ другаго, но вмѣстѣ, нераздѣльно, взаимно поддерживая одно другое, взаимно дополняя себя, и потому все вполне составляетъ единый стройный образъ народности.

Приложимъ эти общія черты къ нашему вопросу о различіи нашихъ русскихъ народностей.

Начало этого отличія теряется въ глубокой древности, какъ и вообще распадѣніе Славянскаго племени на отдѣльные народы. Съ тѣхъ поръ, какъ о Славянахъ явились извѣстія у греческихъ писателей, они уже были раздѣлены и стали извѣстны то подъ большими отдѣлами, то въ разнообразіи малыхъ вѣтвей, изъ которыхъ многія не знаешь куда пріютить. Такъ, по Прокошію, Славянское племя представляется раздѣленнымъ на двѣ большія вѣтви: Антовъ и Славовъ; по Иорнанду — на три: Славовъ, Антовъ и Венедовъ. Безъ сомнѣнія, каждая изъ большихъ вѣтвей дробилась на меньшія. Извѣстія Прокошія и Маврікія о томъ, что Славяне вели между собою безпрестанныя войны и жили разсѣянными группами, указываетъ на существованіе дробленія народныхъ отдѣловъ; ибо гдѣ вражда между группами народа, тамъ неизбѣжно черезъ то самое образуются этнографическія особенности и отличія. У Константина Порфиророднаго исчисляются уже разныя мелкія вѣтви Славянъ. У нашего первоначальнаго лѣтописца отдѣлъ собственно Русскихъ Славянъ изображается раздробленнымъ на нѣсколько вѣтвей, каждая съ отличіями отъ другой, со своими обычаями и нравами. Безъ сомнѣнія, между одними изъ нихъ болѣе взаимнаго сродства, чѣмъ между другими, и такимъ образомъ нѣ-

сколько этнографическихъ вѣтвей начали, въ болѣе обобщенномъ образѣ своихъ признаковъ, представлять одну народность, также какъ и всѣ вмѣстѣ русско-славянскія народности одну общую, Русскую, въ отношеніи другихъ славянскихъ племенъ на югѣ. Но есть ли въ древности слѣды существованія южно-русской народности, было ли внѣшнее соединеніе славянскихъ народовъ югозападнаго пространства нынѣшней Россіи въ такомъ видѣ, чтобъ они представляли одну этнографическую группу? Прямо объ этомъ въ лѣтописи не говорится; въ этомъ отношеніи счастливѣе Бѣлорусская народность, которая, подъ древнимъ именемъ Кривичей, обозначается ясно на томъ пространствѣ, которое она занимала впоследствии и занимаетъ въ настоящее время со своимъ раздѣломъ на двѣ половины: западную и восточную. На югѣ, въ древности, упоминаются только народы, и нѣтъ для нихъ общаго сознательно-одинакаго для всѣхъ названія. Но чего не договариваетъ лѣтописецъ въ своемъ этнографическомъ очеркѣ, то дополняется самой исторіей и аналогіей древняго этнографическаго развѣтвленія съ существующимъ въ настоящее время. Самое наглядное доказательство глубокой древности южнорусской народности, какъ одного изъ типовъ Славянскаго міра, слагающаго въ себѣ подраздѣлительные признаки частныхъ, — это поразительное сходство южнаго нарѣчія съ новгородскимъ, котораго нельзя не замѣтить и теперь, по совершеніи многихъ переворотовъ, способствовавшихъ къ тому, чтобы стереть и измѣнить его. Нельзя этого объяснить ни случайностью, ни присутствіемъ многихъ разлѣченныхъ чертъ южнорусскаго нарѣчія въ великорусскихъ областныхъ нарѣчіяхъ; если одинъ признакъ встрѣчается въ томъ или въ другомъ мѣстѣ и не можетъ служить самъ по себѣ доказательствомъ древняго сродства однихъ предпочтительно предъ другими, то собраніе множества признаковъ, составляющихъ характеръ южнаго нарѣчія, въ новгородскомъ, несомнѣнно указываетъ, что между древними Ильменскими Славянами и Южноруссами было гораздо болѣе сродство, чѣмъ между Южноруссами и другими славянскими племенами русскаго материка. Въ древности это сродство было нагляднѣе и ощутительнѣе. Оно прорывается и въ Новгородскихъ лѣтописяхъ и въ древнихъ письменныхъ памятникахъ. Это сродство не могло возникнуть иначе, какъ только въ глубокой древности, ибо эти отдаленные, перехваченные другими народностями, края, не имѣли такого живого народнаго сообщенія между собою, при которомъ бы могли перейти съ одного на другое сходные этнографическіе признаки. Только въ незапамятныхъ доисторическихъ временахъ скрывается его на-

чало и источникъ. Оно указываетъ, что часть южнорусскаго племени, оторванная силою неизвѣстныхъ намъ теперь обстоятельствъ, удалась на сѣверъ и тамъ водворилась со своимъ нарѣчіемъ и съ зачатками своей общественной жизни, выработанными еще на прежней родинѣ. Это сходство южнаго нарѣчія съ сѣвернымъ, по моему разумѣнію, представляетъ самое несомнѣнное доказательство древности и нарѣчія и народности Южной Руси. Разумѣется, было бы неосновательно воображать, что образъ, въ какомъ южнорусская народность съ ея признаками была въ древности, тотъ самый, въ какомъ мы ее встрѣчаемъ въ послѣдующія времена. Историческія обстоятельства не давали народу стоять на одномъ мѣстѣ и сохранять неизмѣнно одно положеніе, одну постать. Если мы, относясь къ древности, говоримъ о южнорусской народности, то разумѣемъ ее въ томъ видѣ, который былъ первообразомъ настоящаго, заключалъ въ себѣ главныя черты, составляющія неизмѣнные признаки, сущность, народнаго типа, общаго для всѣхъ временъ, способнаго упорно выстоять и отстоять себя противъ всѣхъ напоровъ враждебно-разрушительныхъ причинъ, а не тѣ измѣненія, которыя этотъ типъ то усваивалъ въ теченіи времени и перерабатывалъ подъ вліяніемъ главныхъ своихъ началъ, то принималъ случайно и терялъ, какъ временно наплывшее и несвойственное его природѣ.

Обращаясь къ Русской исторіи, можно прослѣдить, какъ не досказанное лѣтописцемъ въ его этнографическомъ очеркѣ о Южной Руси, само собой высказало себя въ цѣпи обстоятельствъ, образовавшихъ историческую судьбу южно-русскаго народа. Если первоначальный этнографъ, исчисляя своихъ Полянъ, Древлянъ, Улучей, Волынянъ, Хорватовъ, не далъ имъ всѣмъ одного названія, отдѣльнаго отъ другихъ Славянъ русскаго материка, то имъ его дала вскорѣ исторія. Это названіе — Русь, названіе первоначально Порусско-варяжской горести, поселившейся среди одной изъ вѣтвей южно-русскаго народа и поглощенной ею вскорѣ. Уже въ XI вѣкѣ названіе это распространилось на Волынь и на нынѣшнюю Галицію, тогда какъ не переходило еще ни на Сѣверовостокъ, ни къ Кривичамъ, ни къ Новгородцамъ. Уже ослѣпленный Василько, исповѣдуясь въ своихъ намѣреніяхъ присланному къ нему Василю, говорить о планѣ мстить Ляхамъ за землю *русскую* и разрушить не Кіевъ, но ту страну, которая впоследствии усвоила себѣ названіе Червоной Руси. Въ XII вѣкѣ, въ Землѣ Ростовско-Суздальской, подъ Русью разумѣли вообще югозападъ нынѣшней Россіи въ собирательномъ смыслѣ. Это названіе, отличное отъ другихъ Славянскихъ частей, сдѣлалось этнографическимъ

названіемъ южно-русскаго народа; мелкія подраздѣленія, которыя исчислилъ лѣтописецъ въ своемъ введеніи, исчезли или отошли на третій планъ, въ тѣнь; онѣ были, какъ видно, не очень значительны, когда образовалось между ними соединеніе и выплыли наружу одни общіе, единые для нихъ признаки. Названіе Руси за нынѣшнимъ южно-русскимъ народомъ перешло и къ иностранцамъ, и всѣ стали называть Русью не всю федерацію Славянскихъ племенъ материка нынѣшней Россіи, сложившуюся съ прибытія Варяговъ-Руси подъ верховнымъ первенствомъ Кіева и не исчезнувшую, въ духовномъ сознаніи, даже и при самыхъ враждебныхъ обстоятельствахъ, поколебавшихъ ея вѣшнюю связь, а собственно югозападъ Россіи, населенный тѣмъ отдѣломъ Славянскаго племени, за которымъ теперь усвоивается названіе Южно-русскаго или Малороссійскаго. Это названіе такъ перешло съ послѣдующихъ временъ. Когда толчекъ, данный вторичнымъ вливомъ Литовскаго племени въ судьбу Славянскихъ народовъ всей западной части русскаго материка, соединилъ ихъ въ одно политическое тѣло и сообщилъ имъ новое соединительное прозвище—Литва, это прозвище стало достояніемъ бѣлорусскаго края и бѣлорусской народности, а южно-русская осталась съ своимъ древнимъ привычнымъ названіемъ Руси.

Въ XV вѣкѣ различались на материкѣ нынѣшней Россіи четыре отдѣла восточно-славянскаго міра: Новгородъ, Московія, Литва и Русь; въ XVI и XVII, когда Новгородъ былъ стертъ, — Московія, Литва и Русь. На востокъ имя Руси принималось какъ принадлежность къ одной общей славянской семьѣ, развѣтвленной и раздробленной на части, на югозападѣ это было имя вѣтви этой семьи. Суздалецъ, Москвичъ, Смоленинъ — были русскіе по тѣмъ признакамъ, которые служили органами ихъ соединительности вмѣстѣ: по происхожденію, по вѣрѣ, по книжному языку и соединенной съ нимъ образованности; Кіевлянинъ, Волынецъ, Червонорусъ — были Русскіе по своей мѣстности, по особенностямъ своего народнаго, общественнаго и домашняго, быта, по нравамъ и обычаямъ; каждый былъ русскимъ въ тѣхъ отношеніяхъ, въ какихъ восточный Славянинъ былъ не русскій, но тверитянинъ, суздалецъ, москвичъ. Такъ какъ слитіе земель было дѣло общее, то древнее названіе, употребительное въ старину для обозначенія всей федераціи, сдѣлалось народнымъ и для Восточной Руси, коль скоро общія начала поглотили развитіе частныхъ: съ именемъ Руси для нихъ издревле соединялось общее, сравнивающее, соединительное. Когда изъ разныхъ земель составилось Московское государство, это государство легко назвалось Русскимъ, и народъ, его составлявшій, усвоилъ знакомое

прежде ему названіе и отъ признаковъ общихъ перенесъ его на болѣе мѣстные и частные признаки. Имя Русскаго сдѣлалось и для сѣвера и для востока тѣмъ же, чѣмъ съ давнихъ лѣтъ оставалось какъ исключительное достояніе югозападнаго народа. Тогда послѣдній остался какъ бы безъ названія; его мѣстное частное имя, употреблявшееся другимъ народомъ только какъ общее, сдѣлалось для послѣдняго тѣмъ, чѣмъ прежде было для перваго. У южнорусскаго народа какъ будто было похищено его прозвище. Роль должна была переѣниться въ обратномъ видѣ. Такъ какъ въ старину Сѣверовосточная Русь называлась Русью только въ общемъ значеніи, въ своемъ же частномъ имѣла собственныя наименованія, такъ теперь южнорусскій народъ могъ назваться русскимъ въ общемъ смыслѣ, но въ частномъ, своенародномъ, долженъ былъ найти себѣ другое названіе. На западѣ, въ Червонной Руси, гдѣ онъ сталъ въ сопротивленіе съ чуждыми народностями, естественно было удержать ему древнее названіе въ частномъ значеніи, и такъ Галицкій Червоноруссъ остался Русскимъ, Русиномъ, ибо имѣлъ столкновеніе съ Поляками, Нѣмцами, Уграми; въ его частной народности ярче всего высказывались черты, составлявшія признаки общей русской народности, являлась принадлежность его къ общему русскому міру, черты такія, какъ вѣра, книжный богослужебный языкъ и исторія, напоминавшая ему о древней связи съ общерусскимъ міромъ. Все это предохраняло его отъ усилій чуженародныхъ элементовъ, грозившихъ и грозившихъ стереть его. Но тамъ, гдѣ та же народность столкнулась съ сѣверно и восточно-русскою, тамъ названіе Русскаго, по отношенію къ частности, не имѣло смысла, ибо Южноруссу не предстояло охранять тѣхъ общихъ признаковъ своего бытія, которые не разнили, а соединяли его съ народомъ, усвоившимъ имя русское. Тутъ названіе Русскаго необходимо должно быть замѣнено такимъ, которое бы означало признаки различія отъ Восточной Руси, а не сходства съ нею. Этихъ народныхъ названій являлось много, и, правду сказать, ни одного не было вполне удовлетворительнаго, можетъ быть потому, что сознаніе своенародности не вполне выработалось. Въ XVII вѣкѣ являлись названія: *Украина*, *Малороссія*, *Гетманщина*, — названія эти невольно сдѣлались теперь архаизмами, ибо нито, ни другое, ни третье не обнимало сферы всего народа, а означало только мѣстные и временныя явленія его исторіи. Выдуманное въ послѣднее время названіе *Южноруссовъ* остается пока книжнымъ, если не навсегда останется такимъ, потому-что, даже по своему сложному виду, какъ-то неусвоительно для обыденной народной рѣчи, не слишкомъ любящей сложныя назва-

нія, на которыхъ всегда почти лежитъ отпечатокъ задуманности и, отчасти, ученой вычурности. Мимоходомъ замѣчу, что изъ всѣхъ названій, какія были выдумываемы для нашего народа, чтобъ отличить его отъ великорусскаго, болѣе всѣхъ какъ-то приняло полное значеніе названіе *Хохла*, не по своей этимологіи, а по привычкѣ, съ какою усвоили его Великоруссы. По крайней мѣрѣ, сказавши *Хохолъ*, Великоруссъ разумѣтъ подъ этимъ словомъ дѣйствительно народный типъ. Хохолъ для Великорусса есть человѣкъ говорящій извѣстнымъ нарѣчіемъ, имѣющій извѣстные приемы домашней жизни и нравовъ, своеобразную народную физиономію. Странно было бы думать о возможности принятія этого насмѣшливаго прозвища за серьезное названіе народа, — все равно, какъ еслибы Англичанинъ прозвище Джона-Буля сдѣлалъ серьезнымъ именемъ своего племени. Но изъ всѣхъ существовавшихъ прозвищъ и названій, это едва ли не болѣе другихъ усвоеніе въ смыслѣ народной особенности. Не только Великоруссы называютъ Южноруссовъ Хохлами, но и сами послѣдніе не рѣдко употребляютъ это названіе, не подозрѣвая уже въ немъ ничего насмѣшливаго; впрочемъ, это только въ восточномъ краѣ пространства, заселеннаго Южноруссами. Неусвоиваемость его всѣмъ южнорусскимъ народомъ, не менѣе его насмѣшливаго происхожденія, не дозволяетъ искать въ немъ приличнаго названія для народа.

Но я отклонился нѣсколько отъ своей цѣли. Дѣло въ томъ, что названіе Руси укрѣпилось издревле за южнорусскимъ народомъ. Названіе не возникаетъ безъ факта. Нельзя навязать народу ни съ того, ни съ сего какое-нибудь имя. Это могло приходить въ голову только такимъ мудрецамъ, противъ которыхъ мы недавно писали⁽¹⁾ и которые намъ сообщали прекуръзную новость, какъ Екатерина II, высочайшимъ повелѣніемъ, даровала Московскому народу имя Русскаго и запретила ему употреблять древнее свое имя—Московитяне. вмѣстѣ съ названіемъ развивалась и самобытная исторія жизни южнорусскаго народа. Извѣстно, въ какое непріятное положеніе поставляютъ насъ старыя наши лѣтописцы, коль-скоро мы захотимъ изслѣдовать судьбу старой народной жизни: насъ угощаютъ досыта княжескими междоусобіями, извѣстіями о построеніи церквей, со щепетильною точностію сообщаютъ о дняхъ, даже о часахъ кончины князей и епископовъ, но какъ постучишься къ нимъ въ двери сокровищницы народной жизни—тутъ они нѣмы и глухи; и заброшены давно въ море забвенія ключи отъ этихъ завѣтныхъ дверей. Слабыя, неясныя

(1) См. февральскую книжку «Основы».

тѣни остались отъ далекаго прошедшаго. Но и этихъ тѣней пока достаточно, чтобъ видѣть, какъ рано Южная Русь пошла инымъ, своеобразнымъ путемъ возрастать отлично отъ Сѣвера. Однѣ и тѣ же общія начала на Югѣ устанавливались, утверждались, видоизмѣнялись инымъ образомъ, чѣмъ на сѣверѣ. До половины XII вѣка сѣверъ, а еще болѣе — сѣверовостокъ, намъ мало извѣстны. Лѣтописныя сказанія тѣхъ временъ вращаются только на Югѣ; новгородскія лѣтописи представляютъ какъ-будто какое-то оглавленіе утраченнаго лѣтописнаго повѣствованія; такъ коротки и отрывочны мѣстныя извѣстія, въ нихъ сохранившіяся, и признаюсь какъ-то странно слышать проповѣдываемыя нѣкоторыми почтенными изслѣдователями и усвоенныя учителями въ школахъ глубокомысленныя наблюденія надъ развитіемъ новгородскихъ общественныхъ началъ соразмѣрно переворотамъ и движеніямъ удѣльнаго русскаго міра, — когда на самомъ дѣлѣ тутъ можно судить только о развитіи новгородскихъ лѣтописей, а никакъ не новгородской жизни. Но о судьбѣ Сѣверо-Восточнаго Русскаго міра этой Суздальско-Ростовско-Муромско-Рязанской страны въ раннія времена нашей исторіи не осталось даже и такого оглавленія, и это тѣмъ досаднѣе, когда знаешь, что именно тогда-то въ этомъ краѣ и образовалось зерно великорусской народности, и тогда-то пустила она первые ростки того, что впослѣдствіи сдѣлалось рычагомъ соединенія и всего русскаго міра и залогомъ грядущаго обновленія всего славянскаго... Ея таинственное происхожденіе и дѣтство облечено непроницаемымъ туманомъ. При невозможности разсѣять его густые слои, остается или поддаться искушенію и пуститься въ безконечныя догадки и предположенія, либо, какъ нѣкогда дѣлали, успокоиться на утишающей всякое умственное волненіе мысли, что такъ угодно было верховному промыслу, и что причины — почему великорусская народность стала такою именно, какою явилась впослѣдствіи, зависѣли отъ неисповѣдимой воли. И тотъ и другой способъ мышленія не удовлетворяетъ нашей потребности. Догадки и предположенія не сдѣлаются сами собою истинами, если не подтвердятся или очевидными фактами, или несомнѣнной логической связью явленій. Мы не сомнѣваемся въ промыслѣ, но вѣримъ при этомъ, что все, что ни случается въ мірѣ, управляется тѣмъ же промысломъ — какъ извѣстное, такъ и неизвѣстное, а опираясь въ сужденіяхъ только на промыслъ, не останется ничего для самого сужденія. Дѣло исторіи — изслѣдовать причины частныхъ явленій, а не причину причинъ, недоступную человѣческому уму. Единственно что мы знаемъ о Сѣверо-востокѣ — это то, что тамъ было Славянское народонаселеніе посреди Финновъ и съ значи-

тельными перевѣсомъ надъ послѣдними, — что край этотъ имѣлъ тѣ же общіе зачатки, какіе были и въ другихъ земляхъ русскаго міра, но не знаемъ ни подробностей, ни способа примѣненія общихъ началъ къ частнымъ условіямъ. На югѣ между тѣмъ, весь народъ южнорусскій, въ началѣ XI вѣка, ощутительно обозначается единствомъ; не смотря на княжескія перегородки, онъ безпрестанно напоминаетъ о своемъ единствѣ событіями своей исторіи; онъ усваиваетъ одно имя Руси; у него одні общія побужденія, одни главныя обстоятельства вращаютъ его; его части стремятся другъ къ другу, — тогда какъ земли другихъ вѣтвей общерусскаго Славянскаго племени, напримѣръ, Кривичи, обособляются своеобразными частями въ федеративной связи. Новгородъ, обособленный съ своею землею на сѣверѣ, постоянно стремится къ югу; онъ ближе къ Киеву, чѣмъ къ Полоцку или Смоленску. И это, конечно, происходитъ отъ ближайшей этнографической его связи съ Югомъ.

Съ половины XII вѣка обозначается въ исторіи характеръ Восточной Руси Ростовско-Суздальско-Муромско-Рязанской земли. Явленія ея са-мобытной жизни, по древней нашей лѣтописи, начинаются съ тѣхъ поръ, какъ Андрей Юрьевичъ, въ 1157 году, былъ избранъ особымъ княземъ всей Земли Ростовско-Суздальской. Тогда-то явно выказывается своеобразный духъ, господствующій въ общественномъ строѣ этого края и складъ понятій объ общественной жизни, управлявшій событіями, — отличие этихъ понятій отъ тѣхъ, которые давали смыслъ явленіямъ въ Южной Руси и въ Новгородѣ. Эпоха эта чрезвычайно важна и представляетъ драгоценный предметъ для изслѣдователя нашего прошедшаго; тутъ открывается нарисованная, хотя не ясно, на подобіе изображеній въ нашихъ старыхъ рукописяхъ, картина дѣтства великорусскаго народа. Тутъ можно видѣть первые ростки тѣхъ свойствъ, которыя составляли впоследствии источникъ его силы, доблестей и слабостей. Словно вы читаете дѣтство великаго человѣка и ловите, въ его ребяческихъ движеніяхъ, зачатки будущихъ подвиговъ.

Что отличаетъ народъ великорусскій въ его дѣтствѣ отъ народа Южной Руси и другихъ земель русскихъ — это стремленіе дать прочность и формальность единству своей земли. Андрея избираютъ единымъ по всей землѣ, на все города. У него нѣсколько братьевъ и два племянника; ихъ изгоняютъ, дозволяютъ оставаться только двумъ: одному, который по болѣзни не можетъ быть никакимъ дѣятельнымъ членомъ земли, и другому, который не показываетъ никакихъ властолюбивыхъ наклонностей. Изгнаніе братьевъ не дѣло единого Андрея, но дѣло цѣлой Земли. Лѣтопи-

сецъ края говорить, что тѣ же, которые поставили Андрея, тѣ же изгнали меньшихъ братьевъ. Это единство, къ которому явно стремились понятія, не могло однако сразу утвердиться и обратиться въ постоянный и привычный порядокъ; въ послѣдствіи земля снова имѣла разомъ нѣсколькихъ князей, но за то одинъ изъ нихъ былъ великій князь верховный всей земли. Въмѣстѣ съ тѣмъ тогда уже является стремленіе подчинить своей землѣ другія Русскія земли. Такъ Муромская и Рязанская земли уже были подчинены съ своими князьями князю Ростовско-Суздальскому. Это не были личныя желанія однихъ князей, — напротивъ: князья, принадлежа къ роду, котораго значеніе связано было съ единствомъ всей Русской федераціи, сами заимствовали въ Восточно-Русской мѣстности это мѣстное стремленіе. Изъ нѣсколькихъ чертъ, сохранныхъ лѣтописцемъ, при всей скупости послѣдняго на заявленіе народныхъ побужденій, видно, что князья въ дѣлахъ, обличавшихъ, по видимому, ихъ личное властолюбіе, дѣйствовали по внушенію народной воли, и то, что приписывалось ихъ самовластію, надобно будетъ приписать самовластнымъ наклонностямъ тѣхъ, которые окружали князей. Когда Всеволодъ захотѣлъ отпустить пойманныхъ князей: своего племянника и Глѣба Рязанскаго, Владимірцы не допустили до этого и приговорили ослѣпить ихъ. Когда тотъ же Всеволодъ идетъ на Новгородъ и осаждастъ Торжокъ, онъ расположенъ къ миру и не хочетъ разорять волости, но дружина его требуетъ этого: оскорбленіе князю она считаетъ оскорбленіемъ себѣ. *Мы не цѣловать ихъ пришли*, говорятъ Владимірцы иронически. Такимъ образомъ стремленіе подчинить Новгородъ и вражда съ Новгородомъ истекала не изъ княжескихъ, а изъ народныхъ побужденій, и оттого-то Новгородцы, отбивъ Суздальцевъ отъ стѣнъ своего города, скоро сходились съ Суздальскими князьями и, напротивъ, неистово мстили Суздальцамъ, продавая каждого Судальца по двѣ ногаты. Оттого съ такимъ ожесточеніемъ, съ такою надменностію ополчалась Суздальская земля противъ Новгородцевъ, вошедшихъ туда побѣдителями подъ знаменемъ Метислава Удалого. Нѣсколько разъ можно замѣтить, какъ во время нападеній князей Восточно-Русской Земли на Новгородъ прорывалась народная гордость этой земли, успѣвшая уже образовать предразсудокъ о превосходствѣ своего народа предъ Новгородцами и о правѣ своего первенства надъ ними. Элементы образованности, воспитанные на Кіевской почвѣ подъ православными понятіями, перешли въ Восточную Землю и тамъ приняли иного рода ростъ и явились въ иномъ образѣ. Въмѣсто Кіева южнаго, явился на востокъ другой Кіевъ—Влади-

міръ; по всему видно, — существовала мысль создать его другимъ Кіевомъ, перенести старый Кіевъ на новое мѣсто. Тамъ явилась патрональная церковь святой Богородицы Златоверхой и Золотыя Ворота, явились названія кіевскихъ урочищъ: Печерскій городъ, рѣка Лыбедь. Но нельзя было старого Кіева оторвать отъ днѣпровскихъ горъ; тѣ же отропки подъ сѣверо-восточнымъ небомъ, на чуждой почвѣ, выросли иначе, инымъ деревомъ, — другіе плоды принесли.

Старыя Славянскія понятія объ общественномъ строѣ признавали за источникъ общей народной правды волю народа, приговоръ вѣча, изъ кого-бы-то ни состоялъ этотъ народъ, какъ бы ни собиралось это вѣче, смотря по условіямъ; эти условія то расширяли, то суживали кругъ участвующихъ въ дѣлахъ, то давали вѣчу значеніе всенароднаго собранія, то ограничивали его тошю случайныхъ счастливцевъ въ игрѣ на общественномъ полѣ. При этомъ давно уже возникла и укоренилась въ понятіяхъ идея князя — правителя, третейскаго судьи, установителя порядка, охранителя отъ внѣшнихъ и внутреннихъ безпокойствъ; между вѣчевымъ и княжескимъ началомъ само собою должно было возникнуть противорѣчіе, но это противорѣчіе улегалось и примирялось признаніемъ народной воли вѣча подъ правомъ князя.... Князь былъ необходимъ, но князь избирался и могъ быть изгнанъ, если не удовлетворялъ тѣмъ потребностямъ народа, для которыхъ былъ нуженъ, или же злоупотреблялъ свою власть и значеніе. Принципъ этотъ въ XI, XII и XIII вѣкахъ вырабатывается вездѣ: и въ Кіевѣ, и въ Новгородѣ, и въ Полоцкѣ, и въ Ростовѣ и въ Галичѣ. Его явленіе сообразовалось съ различными историческими внутренними обстоятельствами и разными условіями, въ какія поставлены были судьбою русскія земли. Этотъ принципъ принималъ то болѣе единовластительнаго, то болѣе народоправнаго духа; въ однихъ земляхъ князья выбирались постоянно изъ одной линіи и такимъ образомъ водвореніе ихъ приближалось къ наследственному праву, и если не совершенно образовалось послѣднее, то потому только, что не успѣло заглушиться выборное право, которое, по своему существу, умѣряло непреложность обычая; въ другихъ, — въ Новгородѣ, — при выборѣ князя народная воля не соблюдала вовсе никакихъ обычаевъ преемничества, кромѣ насущныхъ текущихъ условій края.

Въ Кіевѣ напрасно было бы искать какого нибудь опредѣленнаго права и порядка въ преемничествѣ князей. Существовала, правда, въ ихъ условіи, неясная идея старѣйшинства, но народное право избранія

стояло выше ея. Изяславъ Ярославичъ былъ изгнанъ Кіевлянами. Кіевляне избрали Полоцкаго князя, случайно сидѣвшаго въ Кіевской тюрьмѣ и ужъ ни по какому праву не ожидавшему такой чести. Изяславъ только съ помощію чужеземцевъ утвердился снова въ Кіевѣ. То былъ родъ чужеземнаго завоеванія и недаромъ, послѣ того, Поляки начали смотрѣть на Южную Русь, какъ на свою лѣну. Чрезъ нѣсколько времени, едва только Кіевскій князь избавилъ и себя и Кіевлянъ, отъ пособниковъ, какъ былъ снова изгнанъ. Князь Черниговскій вступилъ на Княженіе Кіевское. Изяславъ опять долженъ былъ бѣжать. Хотя, по этому поводу, въ лѣтописи и не говорится объ участіи Кіевлянъ но само собою разумѣется, что оно было: съ одной стороны, не могли Кіевляне любить князя, который приводилъ на нихъ чужеземцевъ и отдавалъ на казнь тѣхъ, кого подозрѣвалъ въ нерасположеніи и верховодствѣ надъ народомъ въ минуту своего изгнанія, съ другой — и Святославъ не могъ бы водвориться въ Кіевѣ и свободно имъ править четыре года, если бы встрѣтилъ оппозицію въ народѣ. Въ дальнѣйшей исторіи нѣсколько разъ у лѣтописца упоминается прямо, что князья водворялись по избранію и также прогонялись; что вѣче считало за собою право судить ихъ, прогонять и казнить установленныя ими второстепенныя власти, а иногда и ихъ самихъ. Мономахъ былъ избранъ и, въ то же время, постигъ народный судъ приближенныхъ прежняго князя. Всеволодъ, желая передать княженіе брату Игорю, не могъ этого сдѣлать иначе, какъ испросивъ согласіе вѣча; тоже вѣче низвергло Игоря и призвало Изяслава Мстиславича, и потомъ убило Игоря. Изяславъ Давидовичъ, Ростиславъ Мстиславичъ, Мстиславъ Изяславичъ, Романъ Ростиславичъ, Святославъ Всеволодовичъ, Романъ Мстиславичъ — обо всѣхъ этихъ князьяхъ есть черты, показывающія, что они были избраны волею Кіевлянъ. Мало по малу значеніе народа, руководящаго дѣлами, осталось за воинственною толпою дружинъ, шакъ, составлявшихся изъ разныхъ удалцовъ; они-то возводили и низвергали князей, князья были какъ бы орудіемъ ихъ, и — какъ всегда бываетъ въ воинской державѣ — могли держаться только силою волн, умѣняемъ, а не значеніемъ, какое занимали въ своемъ родѣ.

Инородцы тюрккаго племени — Черные Клобуки, Торки, Берендѣи, играли здѣсь дѣятельную роль наравнѣ съ туземцами, такъ что масса, управлявшая дѣлами края, представляла пеструю смѣсь племенъ. Таковъ былъ образъ быта Кіевской земли. Розачество уже возникало въ XII — XIII вѣкѣ. Въ Червоной Руси князья тоже избирались и

прогонялись. Князь до того былъ зависимъ отъ вѣча, что даже семейная его жизнь состояла подъ контролемъ Галичанъ. Въ Галицкой землѣ народная сила и значеніе сосредоточились въ рукахъ *боляръ*, — лицъ, которые силою обстоятельствъ выступали изъ массы и овладѣвали дѣлами края. Здѣсь уже прорывались начала того панства, которое, подъ Польскимъ владычествомъ, охватило страну и, противопоставивъ себя массѣ народа, вызвало наконецъ ее въ лицѣ Козаковъ. Читая исторію Южной Руси XII и XIII вѣка, можно видѣть юношескій возрастъ того общественнаго строя, который является въ возмужаломъ видѣ черезъ нѣсколько столѣтій. Развитие личнаго произвола, свобода, неопредѣлительность формъ — были отличительными чертами южно-русскаго общества въ древніе періоды, и такъ оно явилось въ послѣдствіи. Съ этимъ вмѣстѣ соединялось непостоянство, недостатокъ ясной цѣли, порывчатость движенія, стремленіе къ созданію и какое-то разложеніе недосозданнаго, все, что неминуемо вытекало изъ перевѣса личности надъ общинностью. Южная Русь отнюдь не теряла чувства своего народнаго единства, но не думала его поддерживать: напротивъ, самъ народъ, по видимому, шелъ къ разложенію и все таки не могъ разложиться. Въ Южной Руси не видно ни малѣйшаго стремленія къ подчиненію чужихъ, къ ассимилированію инородцевъ, поселившихся между ея коренными жителями; въ ней происходили споры и драки болѣе за оскорбленную честь или за временную добычу, а не съ цѣлію утвердить прочное вѣковое господство. Только на короткое время, когда пришельцы Варяги дали толчекъ Полянамъ, послѣдніе дѣлаются какъ бы завоевателями народовъ: является идея присоединенія земель, потребность центра, къ которому бы эти земли тянули; но и тогда не видно ни малѣйшихъ попытокъ плотно прикрѣпить эти земли. Кіевъ никакъ не годился быть столицею централизованнаго государства; онъ не искалъ этого, онъ даже не могъ удержать первенства надъ федерацией, потому что не сумѣлъ организовать ее. Въ натурѣ южно-русской не было ничего насилующаго, нивелирующаго, не было политики, не было холодной расчетливости, твердости на пути къ предназначенной цѣли. Тоже самое является на отдаленномъ сѣверѣ, въ Новгородѣ; суровое небо мало измѣнило тамъ главныя основы южнаго характера, и только неблагодарность природы развила болѣе промышленнаго духа, но не образовала характера расчета и купеческой политики. Торговая дѣятельность соединялась тамъ съ тою же удалью, съ тою же неопредѣленностью цѣли и нетвердостью способовъ къ ея достиженію, какъ и воинственное удалство южныхъ шаекъ. Новгородъ былъ всегда родной братъ

юга. Политики у него не было; онъ не думалъ утвердить за собою своихъ обширныхъ владѣній и сплотить разнородныя племена, которыя ихъ населяли, и ввести прочную связь и подчиненность частей, установить соотношеніе слоевъ народа; строй его правленія былъ всегда подъ вліяніемъ неожиданныхъ побужденій личной свободы. Обстоятельства давали ему чрезмѣрно важное торговое значеніе, но онъ не изыскивалъ средствъ обращать въ свою пользу эти условія и упрочить выгоды торговли для автономіи своего политическаго тѣла; оттого онъ, въ торговомъ отношеніи, попалъ совершенно въ распоряженіе иностранцевъ. Въ Новгородѣ, какъ и на Югѣ, было много порывчатаго удалства, широкой отваги, поэтическаго увлеченія, но мало политической предприимчивости, еще менѣе выдержки. Часто горячо готовился онъ стоять за свои права, за свою свободу, но не умѣлъ соединить побужденій, стремившихся, повидимому, къ одной цѣли, но тотчасъ же расходившихся въ приложеніи; потому-то онъ всегда уступалъ политикѣ, отпачивался продуктами своей торговой дѣятельности и своихъ владѣній отъ покушеній Московскихъ князей даже и тогда, когда, казалось, могъ бы съ ними сладить; онъ не предпринималъ прочныхъ мѣръ къ поддержкѣ своего быта, которыми дорожилъ, не шелъ впередъ, но и не стоялъ болотной водой, а вращался, кружился на одномъ мѣстѣ. Предъ глазами у него была цѣль, но неопредѣленная, и не сыскалъ онъ прямого пути къ ней. Онъ сознавалъ единство свое съ Русскою Землею, но не могъ сдѣлаться орудіемъ ея общаго единства; онъ хотѣлъ, въ тоже время, удержать въ этомъ единствѣ свою отдѣльность и не удержалъ ея. Новгородъ, — какъ и Южная Русь, — держался за федеративный строй даже тогда, когда противная буря уже сломила его недостроенное зданіе.

Точно такъ и Южная Русь сохраняла, въ теченіе вѣковъ, древнія понятія; перешли онѣ въ кровь и плоть послѣдней, безсознательно для самаго народа; и Южная Русь, облекшись въ форму Козачества, — форму, зародившуюся собственно въ древности, — искала той же федераціи въ соединеніи съ Московіею, гдѣ уже давно не стало началъ этой древней федераціи.

Выше я замѣтилъ мимоходомъ, что Козачество началось въ XII—XIII вѣкѣ. Къ сожалѣнію, исторія Южной, Кіевской, Руси, какъ-будто проваливается послѣ Татаръ. Народная жизнь XIV и XV вѣковъ намъ мало извѣстна; но элементы, составлявшіе начало того, что явилось въ XVI вѣкѣ ощутительно, въ формѣ Козачества, не угасали, а развивались. Литовское владычество обновило одряхлѣвшій, разложившійся порядокъ,

такъ точно, какъ нѣкогда прибытіе Литовской Руси на берега Днѣпра обновило и поддержало упавшія силы, разложившіяся подъ напорами чуждыхъ народовъ. Но жизнь пошла по прежнему. Князьки не Рюрикова, но уже новаго, Гедиминова дома, обрусѣвъ скоро, какъ и прежніе, стали, какъ эти прежніе, играть своею судьбою. До какой степени было здѣсь участіе народа, за скудостію источниковъ нельзя опредѣлительно сказать; несомнѣнно, что въ сущности было продолженіе прежняго: тѣ же дружины, тѣ же воинственные толпы помогали князьямъ, возводили ихъ, вооружали однихъ противъ другихъ. Соединеніе съ Польшею собрало живучіе элементы Руси и дало имъ другое направленіе: изъ неосѣдлыхъ правителей, предводителей шаекъ, оно сдѣлало поземельныхъ владѣтелей; является направленіе замѣнить правомъ личныя побужденія, оставляя въ сущности прежнюю ея свободу—соединить съ гражданскими понятіями и умѣрить необузданность личности. Народъ, до того времени вращавшійся въ омутѣ всеобщаго произвола, то поработанный сильными, то, въ свою очередь, сбрасывающій этихъ сильныхъ для того, чтобъ возвести другихъ, теперь подчиняется и поработается правильно, то есть, съ признаніемъ до нѣкоторой степени законности, справедливости такого поработанія. Но тутъ старорусскіе элементы, развитые, до извѣстной степени, еще въ XII вѣкѣ и долго крившіеся въ народѣ, выступаютъ блестящимъ метеоромъ въ формѣ Козачества. Но это козачество, какъ возрожденіе стараго, носитъ въ себѣ уже зародышъ разрушенія. Оно обращается къ тѣмъ идеямъ, которыя уже не находили пищи въ современномъ ходѣ историческихъ судебъ. Козачество XVI и XVII и удѣльность въ XII и XIII вѣкѣ гораздо болѣе сходны между собою, чѣмъ сколько можно предположить: если черты сходства внѣшняго слабы въ сравненіи съ чертами внѣшняго несходства, за то существенно внутреннее сходство. Козачество тоже разнороднаго типа, какъ древнія кіевскія дружины; также въ немъ есть примѣсь тюркскаго элемента, также въ немъ господствуетъ личный произволъ, тоже стремленіе къ извѣстной цѣли, само себя парализующее и уничтожающее, та же неопредѣлительность, то же непостоянство, то же возведеніе и низложеніе предводителей, тѣ же драки во имя ихъ. Можетъ быть важнымъ покажется то, что въ древности обращалось вниманіе на родъ предводителей, ихъ происхожденіе служило правомъ, а въ козачествѣ, напротивъ, предводители избирались изъ равныхъ. Но скоро уже козачество доходило до прежняго удѣльнаго порядка и конечно бы дошло, еслибы случайныя обстоятельства, чисто мимо всякихъ предположенныхъ законовъ поворачивающія ходъ жизненнаго теченія, не помѣ-

шали этому. Когда Хмельницкій успѣлъ заслужить славу и честь у козацкой братіи, она возводила въ предводители его сына, вовсе неспособнаго по личнымъ качествамъ. Выборы гетмановъ долго вращались около лицъ, соединенныхъ родствомъ съ Хмельницкимъ, и только прекращеніе его рода было поводомъ, что родовое княжеское начало древней удѣльности не воскресло снова.

На востокъ, напротивъ, личная свобода съуживалась и, наконецъ, уничтожилась. Вѣчевое начало нѣкогда и тамъ существовало и проявлялось. Избраніе князей также было господствующимъ способомъ установленія власти, но тамъ понятіе объ общественномъ порядкѣ дало себѣ прочный залогъ твердости, а на помощь подоспѣли православныя идеи. Въ этомъ дѣлѣ какъ нельзя болѣе высказывается различіе племенъ. Православіе было у насъ едино и пришло къ намъ чрезъ однихъ лицъ, изъ одного источника; классъ духовный составлялъ одну корпорацію, независимую отъ мѣстныхъ особенностей политическаго порядка: церковь уравнивала различія; и если что, то — именно истекавшее изъ церковной сферы должно было приниматься одинаково во всемъ русскомъ мірѣ. Не то, однако, вышло на дѣлѣ. Православіе внесло къ намъ идею монархизма, освященіе власти свыше, окружило понятія о ней лучами верховнаго міроуправленія; православіе указало, что въ нашемъ земномъ жизненномъ теченіи есть Промыслъ, руководящій нашими поступками, указывающій намъ будущность за гробомъ; породило мысль, что событія совершаются около насъ то съ благословенія Божія, то навлекаютъ на насъ гнѣвъ Божій; православіе заставило обращаться къ Богу при началѣ предпріятія и приписывать успѣхъ Божию изволенію. Такимъ образомъ не только въ непонятныхъ, необыкновенныхъ событіяхъ, но и въ обычныхъ, совершающихся въ кругѣ общественной дѣятельности, можно было видѣть чудо. Все это внесено было повсюду, повсюду принялось до извѣстной степени, примѣнилось къ историческому ходу, но нигдѣ не побѣдило до такой степени противоположныхъ старыхъ понятій, нигдѣ не выразилось съ такою приложимостью къ практической жизни, какъ въ Восточной Руси. При своей всеобщности, православіе давало однако нѣсколько простора и мѣстнымъ интересамъ: оно допускало мѣстную святыню, которая не переставала быть всеобщей, но оказывала свое покровительство особенно одной мѣстности. Такъ, во всѣхъ земляхъ русскихъ возникли патрональные храмы, въ Кіевѣ—Десятинная Богородица и Софія, въ Новгородѣ и Полоцкѣ—святая Софія, въ Черниговѣ и Твери—святый Спасъ, и такъ далѣе; вездѣ вѣрили въ благословеніе на весь край, исходящее изъ такого главнаго храма. Андрей во Вла-

димирѣ построилъ церковь святой Богородицы златоверхую, помѣстивъ тамъ чудотворную икону, похищенную имъ изъ Вышгорода. Нигдѣ до такой степени святыня патрональнаго храма не являлась съ плодотворнымъ чудодѣйствующимъ значеніемъ, какъ тамъ. Въ лѣтописи Суздальской земли, каждая побѣда, каждый успѣхъ, чуть не каждое сколько нибудь замѣчательное событіе, случавшееся въ краѣ, называется чудомъ этой Богородицы (сотвори чудо святая Богородица Владимірская).

Идея высшаго управленія событіями доходитъ до освященія успѣха самого по себѣ. Предпріятіе удастся, слѣдовательно — оно благословляется Богомъ, слѣдовательно оно хорошо. Возникаетъ споръ между старыми городами Ростовско-Суздальской земли и новымъ — Владиміромъ. Владиміръ успѣлъ въ спорѣ; онъ беретъ перевѣсъ: это — чудо пресвятой Богородицы. Замѣчательно мѣсто въ лѣтописи, когда послѣ признанія, что Ростовцы и Суздальцы, какъ старѣйшіе, дѣйствительно поступали по праву (*хотяже свою правду поставити*), послѣ того какъ дѣло этихъ городовъ подводится подъ обычай всѣхъ земель русскихъ, лѣтописецъ говоритъ, что противясь Владиміру, они не хотѣли правды Божіей (*не хотяху створити правды божіи*) и противились Богородицѣ. Тѣ города хотѣли поставить своихъ избранныхъ землею князей, а Владиміръ поставилъ противъ нихъ Михаила, и лѣтописецъ говоритъ, что *сего же Михаила избра святая Богородица*. Такимъ образомъ Владиміръ требуетъ себѣ первенства въ Землѣ, на томъ основаніи, что въ немъ находилась святыня, которая творила чудеса и руководила успѣхомъ. Володимирцы, — разсуждаетъ тотъ же лѣтописецъ, — прославлены Богомъ по всей Землѣ, за ихъ правду Богъ имъ помогаетъ; при этомъ лѣтописецъ объясняетъ, почему Володимирцы такъ счастливы: *сегоже бо человекъ проситъ у Бога всѣмъ сердцемъ, то Богъ его не лишитъ*. Такимъ образомъ, вмѣсто права общественнаго, вмѣсто обычая, освященнаго временемъ, является право предпріятія съ молитвою и божія соизволенія на успѣхъ предпріятія. Съ виду покажется, что здѣсь крайній мистицизмъ и отклоненіе отъ практической дѣятельности, но это только кажется: въ самой сущности здѣсь политическая практичность, здѣсь открывается путь къ устраненію всякаго страха предъ тѣмъ, что колеблетъ волю, здѣсь полный просторъ воли; здѣсь и надежда на свою силу, здѣсь умѣнье пользоваться обстоятельствами. Владиміръ, въ противность старымъ обычаямъ, древнему порядку земли, дѣлается верховнымъ городомъ, потому что Богородица покровительствуетъ ему, а ея покровительство видно изъ того, что онъ успѣваетъ. Онъ пользуется об-

стоятельствами; тогда какъ его противники держатся боярствомъ, избраннымъ высшимъ классомъ, Владиміръ поднимаетъ знамя массы, народа, слабыхъ противъ сильныхъ; князя, избранные имъ, являются защитниками правосудія въ пользу слабыхъ. О Всеволодѣ Юрьевичѣ лѣтописецъ говоритъ: «судя судъ истиненъ и нелицемѣренъ, не обинуяся лице сильныхъ своихъ бояръ, обидящихъ меншихъ и работающихъ сироты и насилье творящихъ». Вмѣстѣ съ тѣмъ, право избранія, вѣчевое начало принимаетъ самый широкій размѣръ и тѣмъ подрываетъ и уничтожаетъ само себя. Князя Всеволода Юрьевича избираютъ Владимірцы на вѣчѣ предъ своими Золотыми воротами не одного, но и дѣтей его. Такимъ образомъ вѣчевое право считаетъ возможнымъ простирать свои приговоры не только на живыхъ, но и на потомство, устанавливать твердый, прочный порядокъ на долгое время, если не навсегда, до перваго ума, который возможетъ найти иной поворотъ по новому пути и повести къ своей новой цѣли, возводя по прежнему въ апотеозъ успѣхъ предпріятія, освящая его благословеніемъ божіимъ.

Наконецъ самое возвышеніе новаго города Владиміра здѣсь имѣетъ свой особенный смыслъ и отпечатлѣвается характеромъ великороссійскимъ. Извѣстно, какъ ученые придавали у насъ значенія новымъ городамъ именно потому, что они новые. По нашему мнѣнію, новость городовъ, сама по себѣ, еще ничего не значитъ. Возвышеніе новыхъ городовъ не могло родить новыхъ понятій, выработать новаго порядка болѣе того, сколько бы все это могло произойти и въ старыхъ. Новые города населялись изъ старыхъ, слѣдовательно новопоселенцы невольно приносили съ собою тѣ понятія, тѣ воззрѣнія, какія образовались у нихъ въ прежнемъ мѣстѣ жительства. Это въ особенности должно было произойти въ Россіи, гдѣ новые города не теряли связи со старыми. Если новый городъ хочетъ быть независимымъ, освободиться отъ власти стараго города, то все таки онъ по одному этому будетъ искать сдѣлаться тѣмъ, чѣмъ старый, не болѣе. Для того, чтобы новый городъ зародилъ и воспиталъ въ себѣ новый порядокъ, нужно, чтобы или переселенцы изъ стараго, положившіе основаніе новому, вышли изъ прежняго вслѣдствіе какихъ нибудь такихъ движеній, которыя были противны массѣ стараго города, или чтобы они на новосельѣ отрѣзаны были отъ прикосновенія со старымъ порядкомъ и поставлены въ условія, способствующія развитію новаго. Переселенцы, какъ бы далеко они ни отбились отъ прежнихъ жилищъ, удерживаютъ старый бытъ и старыя коренныя понятія сколько возможно, на сколько не стираютъ ихъ новыя условія; из-

мѣняютъ ихъ только вслѣдствіе необходимости, при совершенной несовмѣстимости ихъ съ новосельемъ, и притомъ измѣняютъ нескоро: всегда съ усиліями что нибудь оставить изъ стараго. Малороссіяне двигались въ своей колонизаціи на востокъ, дошли уже за Волгу и все таки они въ сущности тѣже Малороссіяне, что въ Кіевской губерніи, и если получили что-нибудь особенное въ словѣ и понятіяхъ и въ своей физиогноміи, то это произошло отъ условій, съ которыми судьба судила имъ сжиться на новомъ мѣстѣ, а не потому единственно, что они переселенцы. Тоже надобно сказать о Сибирскихъ Русскихъ переселенцахъ: они все Русскіе, и отличія ихъ зависяютъ отъ тѣхъ неизбѣжныхъ причинъ, которыя понуждаютъ ихъ нѣсколько измѣниться, примѣняя условія климата, почвы, произведеній и сосѣдства въ свою пользу. Новые города въ древней Россіи, возникая на разстояніи какихъ нибудь десятковъ верстъ отъ старыхъ, какъ Владиміръ отъ Суздаля и Ростова, не могли, по видимому, имѣть даже важныхъ географическихъ условій для развитія въ себѣ чего-нибудь совершенно новаго. Даже и тогда, когда новый городъ отстоялъ отъ стараго на сотни верстъ, главные однакожъ при на- ки географіи условливали ихъ сходство.

Въ XII вѣкѣ Владиміръ въ исторической жизни является зерномъ Великороссіи и вмѣстѣ съ тѣмъ Русскаго единодержавнаго государства; — тѣ начала, которыя развили въ послѣдствіи цѣлость русскаго міра, составили въ зародышѣ отличительные черты этого города, его силу и прочность. Сплоченіе частей, стремленіе къ присоединенію другихъ земель, предпринятое подъ знаменемъ религіи, успѣхъ, освѣщаемый идеею божія соизволенія, опора на массу, покорную силѣ, когда послѣдняя протягиваетъ къ ней руку, чтобъ ее охранять, пока нуждается въ ней, а впослѣдствіи отдача народнаго права въ руки своихъ избранниковъ — все это представляется въ образѣ молодого побѣга, который выросъ огромнымъ деревомъ подъ вліяніемъ послѣдующихъ событій, давшихъ сообразный способъ его возрастанію. Татарское завоеваніе помогло ему. Безъ него, при вліяніи старыхъ началъ личной свободы, господствовавшихъ въ другихъ земляхъ, свойства восточной русской натуры произвели бы инныя явленія, но завоеватели дали новую цѣль соединенія раздѣленнымъ землямъ Руси.

Монголы не насильствовали народнаго самоуправленія систематически и сознательно. Политическая ихъ образованность не достигла стремленія къ сплоченію массъ и централизаціи покоренныхъ частей. Побѣда знаменовалась для нихъ двумя способами: всеобщимъ разореніемъ и собира-

ніемъ дани. И то и другое потерпѣла Россія. Но для собиранія дани необходимо было одно довѣренное лицо на всю Русь, одинъ приказчикъ хана: это единое лицо, этотъ приказчикъ приготовленъ былъ русскою исторіею заранѣе въ особѣ великаго князя, главы князей, и, слѣдовательно, управленія землями. И вотъ, глава федераціи сталъ довѣреннымъ лицомъ новаго господина. Право старѣйшинства и происхожденія и право избранія, равнымъ образомъ — должны были подчиниться другому праву — волѣ государя всѣхъ земель, государя законнаго, ибо завоеваніе есть фактическій законъ выше всякихъ правъ, не подлежащій разсужденію. Но ничего не было естественнѣе, какъ возникнуть этому ханскому приказчику въ той землѣ, гдѣ существовали готовыя сѣмена, которыя оставалось только поливать, чтобъ они созрѣли.

Знамя успѣха подъ покровительствомъ благословенія Божія поднято въ Москвѣ, на другомъ новосельѣ, также точно, тѣмъ же порядкомъ, какъ оно прежде было поднято во Владимірѣ. Пригородъ опять перевысилъ старый городъ и опять помогаетъ здѣсь церковь, какъ помогала она во Владимірѣ. Надъ Москвою почіетъ благословеніе церкви: туда переѣзжаетъ митрополитъ Петръ; святой мужъ своими руками приготовляетъ себѣ тамъ могилу, долженствующую стать историческою святынею мѣстности; строится другой храмъ Богородицы, и вмѣсто права, освященнаго стариною, вмѣсто народнаго сознанія, парализованнаго теперь произволомъ завоеванія, беретъ верхъ и торжествуетъ идея Божія соизволенія къ успѣху. Здѣсь не мѣсто разрѣшать вопросъ важный: какія именно условія способствовали возвышенію Москвы предъ Владиміромъ; этотъ вопросъ относится уже спеціально къ исторіи Великороссіи, а у насъ идетъ дѣло единственно только о противоположности общихъ началъ въ народностяхъ. Замѣтимъ, однако, что Москва, точно какъ древній Римъ, имѣла сбродное населеніе и долго поддерживалась новыми приливами жителей съ разныхъ концовъ Русскаго міра. Въ особенности это можно замѣтить о высшемъ словѣ народа, — боярахъ и въ то время многочисленныхъ дружинахъ. Они получали отъ великихъ князей земли въ Московской Землѣ, слѣдовательно та же смѣсь населенія касалась не только города, но и земли, которая тянула къ нему непосредственно. При такой смѣси, различныя старыя начала, принесенныя переселенцами изъ прежнихъ мѣстъ жительства, сталкиваясь между собою на новосельѣ, естественно должны были произвести что-то новое, своеобразное, не похожее въ особенности ни на что, изъ чего оно составилось. Новгородецъ, Суздалецъ, Полочанинъ, Кіевлянинъ, Волянецъ, приходили въ Москву,

каждый со своими понятіями, съ преданіями своей мѣстной родины, общали ихъ другъ другу; но онѣ уже переставали быть тѣмъ, чѣмъ были и у перваго, и у втораго, и у третьяго, а стали тѣмъ, чѣмъ не были онѣ у каждаго изъ нихъ въ отдѣльности. — Такое смѣшанное населеніе всегда скорѣе показываетъ склонность къ разширенію своей территоріи, къ пріобрѣтательности на чужой счетъ, къ поглотительности сосѣдей, къ хитрой политикѣ, къ завоеванію, и, положивъ зародышъ у себя въ тѣсной сферѣ, даетъ ему возрасти въ болѣе широкой, — той сферѣ дѣятельности, которая возникнетъ впоследствии отъ разширенія предѣловъ. Такъ Римъ, бывши сначала сброднымъ мѣстомъ бѣглецовъ изъ всѣхъ краевъ разнородной Италіи, воспиталъ въ себѣ самобытное, хотя составленное изъ многого, но не похожее въ сущности на то или другое изъ этого многого, политическое тѣло съ характеромъ стремленія — расширяться болѣе и болѣе, покорять чужое, поглотять у себя разнородное, поработать то силою оружія, то силою коварства. Римъ сталъ насильственно главою Италіи и впоследствии всю Италію сдѣлалъ Римомъ. Москва, относительно Россіи, имѣетъ много аналогій съ Римомъ, по отношенію послѣдняго къ Италіи. Разительнымъ сходствомъ представляется вѣрнѣйшее средство, употребляемое одинаково и Римомъ и Москвою для соединенія первымъ — Италіи, второю — Россіи въ единое тѣло: это переселеніе жителей городовъ и даже цѣлыхъ волостей и размѣщеніе на покоренныхъ земляхъ военного сословія, долженствующаго служить орудіемъ ассимилированія мѣстныхъ народностей и сплоченія частей во едино. Такую политику показала рѣзко Москва при Иванѣ III и Василіѣ, его сынѣ, когда изъ Новгорода и его волости, изъ Пскова, изъ Вятки, изъ Рязани выводились жители и разводились по разнымъ другимъ Русскимъ, землямъ, а изъ другихъ переводимы были служилые люди и получали земли, оставшіяся послѣ тѣхъ, которые подверглись экспроприации. Москва возникла изъ смѣшенія Руско-славянскихъ народностей, и въ эпоху своего возрастанія поддерживала свое дѣло такимъ же народосмѣшеніемъ. Вѣроятно, подобной смѣси населенія одолженъ былъ нѣкогда Владиміръ и своимъ появленіемъ и особеннымъ направленіемъ, хотя, по скудости источниковъ, о Владимірѣ мы ограничиваемся однимъ предположеніемъ того, что о Москвѣ можно сказать съ большимъ правомъ исторической достовѣрности. Ихъ направленіе было сходно. Москва ли взяла верхъ, или другой городъ — все равно, это совершилось по одному и тому же принципу. Какъ нѣкогда Владиміръ стремился подчинять Муромскую и Рязанскую земли и первенствовать надъ дру-

гими землями Руси, такъ теперь Москва, по тому же пути, подчиняетъ себѣ земли и княжества, и не только подчиняетъ, но уже и поглощаетъ ихъ. Владиміру невозможно было достигнуть до того, до чего достигла Москва; тогда еще живучи были вѣчевыя и федеративныя начала; теперь, подъ вліяніемъ завоеванія и развитія въ народномъ духѣ уничтожающихъ ихъ противоположныхъ началъ, — первые задужены страхомъ вознесенной власти, вторые ослабѣли вслѣдъ за первыми. Князья все болѣе и болѣе переставали зависѣть отъ избранія и не стали, вслѣдствіе этого, переходить съ мѣста на мѣсто; утверждались на однихъ мѣстахъ, начали смотрѣть на себя какъ на владѣтелей, а не какъ на правителей, стали прикрѣпляться, такъ-сказать, къ землѣ и тѣмъ самымъ содѣйствовать прикрѣпленію народа къ землѣ. Москва, порабощая ихъ и подчиняя себѣ, тѣмъ самымъ возражала идею общаго отечества, только уже въ другой формѣ, не въ прежней федеративной, а въ единодержавной. Такъ составила монархія Московская; такъ изъ нея образовалось государственное русское тѣло. Ея гражданственная стихія есть общинность, поглощеніе личности, такъ какъ въ южно-русскомъ элементѣ, какъ на югѣ, такъ и въ Новгородѣ, развитіе личности врывалось въ общинное начало и не давало ему сформироваться.

Съ церковью случилось въ велико-русскомъ мірѣ обратное тому, что было въ южно-русскомъ. Въ южнорусскомъ, хотя она имѣла нравственное могущество, но не довела своей силы до того, чтобъ бездоказательно освящать успѣхъ факта; на востокъ она необходимо, въ лицѣ своихъ представителей — духовныхъ сановниковъ, должна была сдѣлаться органомъ верховнаго конечнаго суда; ибо для того, чтобъ дѣло приняло характеръ Божія соизволенія, необходимо было признаніе его такимъ отъ тѣхъ, кто обладалъ правомъ рѣшать это. Поэтому церковныя власти на востокѣ стояли несравненно выше надъ массою и имѣли гораздо болѣе возможности дѣйствовать самовластно. Уже въ XII вѣкѣ, именно во время дѣтства Великороссіи, встрѣчаемъ тамъ епископа Θεодора, который, добиваясь прознанія независимости своей епархіи, дѣлалъ разныя варварства и насилія. (Много бо пострадала человѣци отъ него въ держаньи его, и селѣ изнебывши и оружья и конь; друзи же и работѣ добыша, заточенья же и грабленья не токмо простцемъ, но и мнихомъ, игуменомъ и ерѣемъ; безжалостивъ сый мучитель, другимъ человѣкомъ головы порѣзывалъ и бороды, инымъ же очи выжигая и языкъ урѣзая, а иныя распина на стѣнѣ и мучи немилостивѣ, хотя исхитити отъ всѣхъ имѣнье; имѣнья бо бѣ несуть яки адъ). Къ сожалѣнію, для насъ остается неиз-

вѣстнымъ, какими средствами и при какихъ условіяхъ достигъ епископъ возможности такъ поступать; но безъ сомнѣнія, онъ опирался здѣсь на свѣтскую власть Андрея Боголюбскаго, которой для освященія своихъ предпріятій нуждался въ особомъ независимомъ верховнымъ сановникѣ церковномъ Владимірской земли, отдѣльно отъ Кіевской митрополіи, и сильно домогался, чтобъ Патріархъ учредилъ независимаго епископа. Свѣтская власть опиралась на духовную, духовная — на свѣтскую. Въ то время невозможно было юнымъ началамъ, еще не окрѣпшимъ, часто не уступать старымъ, не потерявшимъ еще своей живучести; и потому Θεодоръ расплатился въ Кіевѣ за свою гордыню, какъ выдавшій его головою князь, чрезъ нѣсколько лѣтъ, тоже расплатился въ Боголюбовѣ. Ростовъ былъ, въ глазахъ Андрея и Θεодора, что-то другое, отличное отъ Владиміра, ибо Андрей дѣлаетъ епископа независимымъ отъ Ростова. Патріархъ на это не согласился, но посвятилъ Θεодора во епископы Ростову, предоставя ему жить во Владимірѣ. Вѣроятно злодѣянія, которыя допускалъ себѣ Θεодоръ, были вызваны оппозиціею, встрѣченною имъ въ Ростовѣ противъ своихъ намѣреній возвыситься во Владимірѣ и въ церковномъ отношеніи, какъ онъ возвысился надъ Ростовомъ въ мірскомъ. Но видно, исполняя сначала волю Андрея, Θεодоръ видно уже слишкомъ хотѣлъ показать, какъ важна власть епископа для самого князя. Андрей предалъ его на погибель. Свѣтская власть князя, освящаемая духовною, не допускаетъ однако послѣдней подчинить себя, и коль скоро послѣдняя вступаетъ въ борьбу, даетъ ей ударъ. Такъ совершалось и впослѣдствіи въ теченіи всей исторіи Великороссіи. Духовенство поддерживало князей въ ихъ стремленіи къ единовластію; князья также ласкали духовенство и содѣйствовали ему сильно; но при каждомъ случаѣ, когда духовная власть переставала итти рука объ руку съ единодержавною свѣтскою, послѣдняя сейчасъ давала почувствовать духовной власти, что свѣтская необходима. Это взаимное противовѣсіе вело такъ успешно къ дѣлу. Власть свѣтская, подчинившись духовной, допустивши теократическій принципъ, не могла бы итти прямымъ путемъ, не могла бы приобрѣтать освященія своимъ предпріятіямъ; тогда родились бы сами собою права, которыя бы ее связывали. Но коль скоро духовная пользовалась могуществомъ, которое однако всегда могла отъ ней отнять свѣтская, тогда, для поддержанія себя, духовная должна, была итти рядомъ со свѣтскою и вести ее къ той цѣли, какую избираетъ послѣдняя. Поэтому, въ исторіи Великороссіи мы видимъ неоднократные примѣры, какъ первопрестольники церкви потворствовали свѣтскимъ монархамъ и

освящали ихъ дѣла, даже совершенно противныя уставамъ церкви. Такъ митрополитъ Даніилъ одобрилъ разводъ Василя съ Соломонією и заключеніе бѣдной великой княгини; а Іоанну IV разрѣшило духовенство четвертый бракъ, которымъ церковь издавна гнушалась. Съ другой стороны видимъ примѣры, какъ оппозиція духовной власти противъ государей была неудачна. Митрополитъ Филиппъ заплатилъ жизнь за обличеніе душегубствъ и кощунствъ того же Іоанна Грознаго; а царь Алексѣй Михайловичъ не затруднился пожертвовать любимцемъ Никономъ, когда тотъ поднялъ слишкомъ независимо голову, защищая самобытность и достоинство правителя церкви. За то при обоюдномъ согласіи властей, когда какъ свѣтская не требовала отъ духовной признанія явно противнаго церкви, такъ духовная не думала стать выше свѣтской, церковь фактически обладала всею жизнью — и политической и общественною, и власть была могущественна потому, что принимала посвященіе отъ церкви. Такъ-то философія Великорусская, сознавъ необходимость общетвеннаго единства и практическаго пожертвованія личностью, какъ условіемъ всякаго общаго дѣла, довѣрила волю народа волѣ своихъ избранныхъ, предоставила освященіе успѣха высшему выраженію мудрости, и такъ дошла она въ свое время до формулы: Богъ да царь во всемъ! знаменующей крайнее торжество господства общности надъ личностью.

Въ тотъ отдаленный отъ насъ періодъ, который мы назвали дѣтствомъ Великороссіи, въ религіозности великорусской является свойство, составляющее ея отличительную черту, и вполнѣ въ противорѣчіи съ тѣмъ складомъ, какой религіозность пріобрѣла въ южнорусской стихіи. Это обращеніе къ обрядамъ, къ формуламъ, сосредоточенность во внѣшности. Такимъ образомъ, на сѣверовостокѣ поднимается толкъ о томъ, можно ли ѣсть въ праздники мясо и молочное. Это — толкъ, принадлежащій къ разряду множества расколовъ, существующихъ и въ наше время и опирающихся только на внѣшности.

На югѣ, въ древности, мы встрѣчаемъ два не вполнѣ извѣстныхъ намъ уклоненія отъ православія, но не въ томъ духѣ, именно — Адріана и Димитрія: они касались существенныхъ уставовъ церкви и мнѣнія ихъ относились къ кругу ересей, то есть такихъ несправедливыхъ мнѣній, которыя, во всякомъ случаѣ, возникали отъ умственной работы надъ духовными вопросами; въ этомъ отношеніи, южнорусское племя и вполнѣ не отличалось спорами о внѣшности, которыми такъ богатъ сѣверъ. Извѣстно, что въ теченіи самыхъ вѣковъ, какъ и теперь, у Малороссіянъ расколовъ и споровъ объ обрядахъ не было. На сѣверѣ, въ

Новгородѣ и Псковѣ, состязательство о внѣшности хотя коснулось умственного движенія въ духовныхъ вопросахъ въ извѣстномъ толкѣ о *сунубомъ аллилуйя* и въ Новгородскомъ спорѣ о томъ, какъ слѣдуетъ произносить: *господи помилуй*, или: *о господи помилуй*, — но едва ли такіе толки въ древности дѣйствительно занимали умы на сѣверѣ, — ибо обстоятельства спора объ аллилуйяхъ, извѣстныя изъ житія Евфросина, еще подвержены сомнѣнію, такъ что многіе считаютъ это сочиненіе, дошедшее до насъ не въ современныхъ спискахъ, составленнымъ, или по крайней мѣрѣ передѣланнымъ раскольниками, старавшимися придать всевозможнѣйшую важность этому вопросу, который, какъ извѣстно, былъ одинъ изъ главныхъ, возбуждавшихъ старообрядство къ отпаденію отъ господствующаго тѣла русской церкви. Притомъ же въ самой повѣсти о Евфросинѣ изображается, что Псковъ держался *треубой*, а не *сунубой аллилуйя*!

Распространеніе и знаменательнѣе было другое еретическое умственное броженіе на сѣверѣ, проявившееся первый разъ въ Стригольникахъ, въ продолженіи вѣка тлѣвшее въ умахъ и потомъ разразившееся смѣсью различныхъ толковъ, сгруппированныхъ Іосифомъ Волоцкимъ, въ его «Просвѣтителѣ» около жидовствующей ереси. Это броженіе, чисто Новгородскаго пошиба, перешло потомъ во всю Русь и долго подымалось въ различныхъ формахъ оппозиціею противъ авторитета мѣстной. Мы не скажемъ однако, чтобъ такое реформаціонное направленіе имѣло большой успѣхъ въ Новгородскомъ и Псковскомъ мірѣ; оно только показываетъ, что племя южнорусское, въ своихъ уклоненіяхъ отъ церкви, слѣдовало иному пути, чѣмъ великорусское. Въ южной Руси, послѣ мимоходныхъ явленій въ XI и XII вѣкѣ, не встрѣчается попытокъ къ оппозиціи противъ авторитета церковной науки, и только въ XVI вѣкѣ стало было кружить арианство, когда Симонъ Будный распустилъ свой катихизисъ на южнорусскомъ языкѣ и, по свидѣтельству униатовъ, нѣкоторые священники, по невѣжеству, не только не опровергали его, но, не подозревая въ немъ ереси, еще и похваливали. Въ массѣ народа это явленіе не имѣло успѣха.

Единственное уклоненіе отъ православія, увлекавшее до извѣстной степени народъ, была унія съ римско-католическою церковью, но извѣстно, что она вводится была интригами и насиліемъ, при благопріятствующей помощи привлеченнаго къ католицизму дворянства; но въ народѣ нашла противъ себя упорную и кровавую оппозицію. Бѣлорусское племя, вообще болѣе кроткой и податливой природы, сильнѣе подчинялось гнетущимъ обстоятельствамъ и болѣе показало склонность, если не принять

унію добровольно, то по крайней мѣрѣ допустить ее, когда нельзя было не допустить ее иначе, какъ энергическимъ противодѣйствіемъ. Но въ южной Руси было не то. Тамъ народъ, чувствуя насиліе совѣсти, поднялся огромнымъ пластомъ на защиту своей старины и свободы убѣжденія, и въ послѣднее время, даже принявъ унію, гораздо охотнѣе отъ нея отсталъ, чѣмъ Бѣлоруссы. Такъ южнорусское племя, не давая духовенству права безусловнаго освященія факта, въ самой сущности пребыло вѣрнѣе самой церкви, чѣмъ великорусское, обвиняя болѣе ее духъ, чѣмъ форму. Въ настоящее время расколъ изъ-за формы, обрядности, буквы, не мыслимъ въ южнорусскомъ народѣ; съ этимъ всякъ согласится, кто сколько нибудь знаетъ этотъ народъ и присмотрѣлся къ его жизни и прислушался къ его кореннымъ понятіямъ.

Мы видѣли, какъ еще въ своемъ дѣтствѣ великорусская стихія, централизируясь во Владимирѣ, а потомъ въ эпоху юности — въ Москвѣ, показывала направленіе къ присоединенію, къ подчиненію и къ поглощенію самобытности частей. Въ религіозно-умственной сферѣ отразилось тоже. Образовалась нетерпимость къ чужимъ вѣрамъ, презрѣніе къ чужимъ народностямъ, высокомѣрное мнѣніе о себѣ. Всѣ иностранцы, посѣщавшіе Московщину въ XV, XVI, XVII столѣтіяхъ, одногласно говорятъ, что Москвитяне презираютъ чужія вѣры и народности; сами цари, которые въ этомъ отношеніи стояли впереди массы, омывали свои руки послѣ прикосновенія иноземныхъ пословъ христіанскихъ вѣроисповѣданій. Нѣмцы, допущенные жить въ Москвѣ, подвергались презрѣнію отъ Русскихъ; духовенство вошло противъ общенія съ ними; патріархъ, неосторожно благословивши ихъ, требовалъ, чтобъ они отличались портъ-че отъ православныхъ наружнымъ видомъ, чтобъ впередъ не получить нечаянно благословенія. Латинская и лютерская, армянская и другая всякая вѣра, чуть только отличная отъ православной, считалась у великоруссовъ проклятою. Русскіе Московскіе считали себя единственнымъ избраннымъ народомъ въ вѣрѣ, и даже не вполне были расположены къ единовѣрнымъ народамъ — къ Грекамъ и Малороссіянамъ: чуть только что нибудь было несходно съ ихъ народностію, то заслуживало презрѣнія, считалось ересью; на все не-свое они смотрѣли свысока.

Образованію такого взгляда неизбѣжно способствовало татарское пораженіе. Долгое униженіе подъ властію чужевѣрцевъ и иноплеменниковъ выражалось теперь высокомѣріемъ и униженіемъ другихъ. Освобожденный рабъ способнѣе всего отличаться надменностію. Это-то и вынуло тѣ крутыя мѣры, то увлеченіе иноземщиною, которое со временъ

Петра является въ видѣ реформы. Крайность, естественно, вызываетъ противную крайность.

Въ южнорусскомъ племени этого не было. Издавна Кіевъ, потомъ Владиміръ Волыніскій, были сборнымъ пунктомъ мѣстопробыванія иноземцевъ разныхъ вѣръ и племенъ. Южноруссы съ незапамятныхъ временъ привыкли слышать у себя чуждую рѣчь и не дичиться людей съ другимъ обличьемъ и съ другими наклонностями. Уже въ X вѣкѣ, и вѣроятно древнѣе, изъ южной Руси ходили въ Грецію, одни занимались промыслами въ чужой землѣ, другіе служили въ войскѣ чужихъ государей. Послѣ принятія крещенія, перенесенная въ Южную Русь юная христіанская цивилизація привлекала туда еще болѣе чужеземной стихіи изъ разныхъ концовъ. Южноруссы, получивши новую вѣру отъ Грековъ, не усвоили образовавшейся въ Греціи непріязни къ западной церкви; архипастыри, будучи сами чужими, старались пересадить ее на дѣвственную почву, но не слишкомъ успѣвали: въ воображеніи южнорусскомъ католикъ не принималъ враждебнаго образа. Особы княжескаго рода сочетались бракомъ съ особами владѣтельныхъ домовъ католическаго исповѣданія; то же, вѣроятно, дѣлалось и въ народѣ. Въ городахъ южнорусскихъ Греки, Армяне, Жиды, Нѣмцы, Поляки, Угры, находили вольный пріютъ, ладили съ туземцами: Поляки, забравшись въ Кіевскую землю въ качествѣ посольниковъ князя Изяслава, плѣнились веселостью жизни въ чужой землѣ. Этотъ духъ терпимости, отсутствіе національнаго высокомерія, перешелъ въ послѣдствіи въ характеръ козачества и остался въ народѣ до сихъ поръ. Въ козацкое общество могъ приходиться всякій; не спрашивали: кто онъ, какой вѣры, какой націи. Когда Поляки роняли, что козаки принимаютъ къ себѣ разныхъ бродягъ и, въ томъ числѣ, еретиковъ, убѣгавшихъ отъ преслѣдованій духовнаго суда, козаки отвѣчали, что у нихъ издавна такъ ведется, что каждый свободно можетъ прійти и уйти. Непріязненные поступки надъ католическою святынею во время козацкаго возстанія происходили не отъ ненависти къ католичеству, а съ досады за насиліе совѣсти и за принужденіе. Походы противъ Турокъ и Крымцовъ, съ одной стороны, имѣли побудительными причинами не слѣпой фанатизмъ противъ *неверныхъ*, но мщеніе за ихъ набѣги и за плѣнъ Русскихъ жителей, а съ другой—ими водилъ духъ удалства и страсть къ добычѣ, которая необходимо развивается во всякомъ воинственномъ обществѣ, въ какомъ бы племени и въ какой бы землѣ оно ни организовалось. Память о кровавыхъ временахъ вражды съ Поляками не изгладилась у народа до сихъ поръ, но вражды собственно къ Римско-

Католической вѣрѣ, безотносительно къ Польской народности, у него нѣтъ. Южнорусъ не мстителенъ, хотя злопамятенъ ради осторожности. Ни католическій костѣль, ни жидовская синагога не представляются ему погаными мѣстами; онъ не побрезгуетъ ѣсть и пить, войти въ дружбу не только съ католикомъ или протестантомъ, но и съ Евреемъ, и съ Татариномъ. Но непріязнь вспыхиваетъ у него еще сильнѣе, чѣмъ у Великоруса, если только Южнорусъ замѣтитъ, что иновѣрецъ или иноземецъ начинаетъ оскорблять его собственную святыню. Коль скоро предоставляется другимъ свобода и оказывается другимъ уваженіе, то естественно—требовать и для себя такой же свободы и взаимнаго уваженія.

Въ Новгородѣ мы видимъ тотъ же самый духъ терпимости. Иновѣрцы пользовались правомъ безопаснаго жительства и богослуженія; разницы въ отношеніи иновѣрныхъ христіанъ полагалось такъ мало, что въ Кириковыхъ вопросахъ указывается на такое явленіе, что матери носили дѣтей своихъ крестить вмѣсто православнаго въ римско-католическому (варяжскому) священнику. Построеніе варяжской церкви въ Новгородѣ произвело въ грядущихъ поколѣніяхъ духовенства легенду, въ которой показывается, какъ естественное стараніе нѣкоторыхъ духовныхъ фанатиковъ вооружить православныхъ туземцовъ противъ иновѣрцовъ было безуспѣшно. Множество инородцевъ-язычниковъ въ Новгородской волости не было обращено насильственно къ христіанству; Новгородцы были до того не энергическими распространителями вѣры, что въ Водской землѣ, еще въ XVI вѣкѣ, было язычество. Вѣра расходилась между ними не скоро, — за то мирнымъ путемъ. Принципъ вѣротерпимости соблазнялъ сильно западное христіанство, когда Новгородъ, подавая помощь Чудскимъ народамъ противъ Нѣмцевъ и Шведовъ, хотѣвшихъ насиліемъ обратить ихъ къ истинной вѣрѣ, вступалъ въ непріязненные отношенія къ Ордену и Швеціи. Папы въ своихъ буллахъ укоряли Новгородцовъ во враждѣ къ христіанству, въ защитѣ язычества и возбуждали противъ нихъ Крестовый походъ. Нѣмцы и Шведы, съ которыми пришлось Новгороду и Пскову воевать, были въ глазахъ послѣднихъ политическіе, а не религіозные враги; вражда доходила нѣсколько до религіознаго характера только тогда, когда съ противной стороны оказывалось прямое посягательство на святыню православной вѣры: тоже самое, что видимъ и въ южной Руси. Нехристіане не подвергались также въ Новгородѣ ненависти; доказательство, что Евреи, которые не смѣли появиться въ великой Руси, въ Новгородѣ до того могли находить пріютъ, что даже въ силахъ были завести еретическую секту и совращать въ нее

туземцевъ. Когда съ одной стороны Папы и западные духовные обвиняли В. Новгородъ въ пособіи язычникамъ противъ христіанства, съ другой православнымъ сановникамъ не нравилась излишняя вѣротерпимость Новгородцевъ, духовные негодовали на нихъ за общеніе съ Латинами и усвоеніе чужихъ обычаевъ, они хотѣли поддерживать въ народѣ мысль о поганствѣ всѣхъ неправославныхъ, и съ этою цѣлю приказывали предавать церковному освященію съѣстные припасы, полученные изъ-за границы, прежде ихъ употребленія въ пищу.

Изъ этого короткаго историческаго обзора различія, возникшаго въ отдаленныя отъ насъ времена между двумя русскими народностями, можно заключить, что племя южно-русское имѣло отличительнымъ своимъ характеромъ перевѣсъ личной свободы, великорусское — перевѣсъ общинности. По коренному понятію первыхъ, связь людей основывается на взаимномъ согласіи, и можетъ распадаться по ихъ несогласію; вторые стремились установить необходимость и неразрывность разъ установленной связи и самую причину установленія отнести къ Божіей волѣ и, слѣдовательно, изъять отъ человѣческой критики. Въ одинакихъ стихіяхъ общественной жизни, первые усваивали болѣе духъ, вторые стремились дать ему тѣло; въ политической сферѣ первые способны были создавать внутри себя добровольныя компаніи, связанныя на столько, на сколько къ тому побуждала насущная необходимость, и прочныя на столько, на сколько существованіе ихъ не мѣшало неизмѣнному праву личной свободы; вторые стремились образовать прочное общинное тѣло на вѣковыхъ началахъ, проникнутое единымъ духомъ. Первое вело къ федераціи, но не съумѣло воплотить образовать ее; второе повело къ единовластію и крѣпкому государству: довело до перваго, создало второе. Первое оказалось много разъ неспособнымъ къ единодержавной государственной жизни. Въ древности оно было господствующимъ на русскомъ материкѣ, и когда пришла неизбѣжная пора или погибнуть, или сплотиться, должно было невольно сойти со сцены и уступить первенство другому. Въ великорусскомъ элементѣ есть что-то громадное, созидательное, духъ стройности, сознаніе единства, господство практическаго разсудка, умѣющаго выстоять трудныя обстоятельства, уловить время, когда слѣдуетъ дѣйствовать, и воспользоваться имъ на сколько нужно.... Этого не показало наше южно-русское племя. Его свободная стихія приводила либо къ разложенію общественныхъ связей, либо къ водовороту побужденій, вращавшихъ бѣличьимъ колесомъ народную историческую жизнь. Такими показало намъ эти двѣ русскія народности наше прошедшее.

Въ своемъ стремленіи къ созданію прочнаго, осяза- тельнаго тѣла для признанной разъ идеи, великорусское племя показы- вало всегда и теперь показываетъ наклонность къ матеріализму и усту- пааетъ южнорусскому въ духовной сторонѣ жизни, въ поэзіи, которая въ послѣднемъ развилась несравненно шире, живѣе и полнѣе. Прислушай- тесь къ голосу пѣсень, примотритесь къ образамъ, сотвореннымъ вооб- раженіемъ того и другого племени, къ созданнымъ тѣмъ и другимъ народ- ныхъ произведеніяхъ слова. Я не скажу, чтобы великорусскія пѣсни лише- ны были поэзіи; напротивъ, въ нихъ высоко-поэтической является имен- но сила воли, сфера дѣятельности, именно то, что такъ необходимо для совершенія задачи, для какой опредѣлили себя этотъ народъ въ истори- ческомъ теченіи политической жизни. Лучшія великорусскія пѣсни тѣ, гдѣ изображаются моменты души, собирающей свои силы, или гдѣ пред- ставляется торжество ея или неудачи, не ломающія, однако, внутренняго могущества. Оттого такъ всѣмъ нравятся пѣсни разбойничьи: разбой- никъ — герой, идущій бороться и съ обстоятельствами, и съ обществен- нымъ порядкомъ. Разрушеніе — его стихія, но разрушеніе неизбѣжно предполагаетъ воссозданіе. Последнее высказывается уже и въ составле- нии разбойническихъ шашекъ, которыя представляютъ нѣкотораго рода об- щественное тѣло. И потому да не покажется страннымъ, если мы бу- демъ усматривать въ разбойничьихъ пѣсняхъ ту же стихію общинно- сти, тоже стремленіе къ воплощенію государственнаго тѣла, какое на- ходимъ во всемъ проявленіи исторической жизни великорусскаго племе- ни. Великорусскій народъ, практическій, матеріальной по преимуще- ству, восходитъ до поэзіи только тогда, когда выходитъ изъ сферы теку- щей жизни, надъ которою работаетъ, работаетъ не восторгаясь, не увле- каясь, примѣриваясь болѣе къ подробностямъ, къ частностямъ, и оттого упуская изъ виду образный идеалъ, составляющій сущность опозитиро- вання всякаго дѣла и предмета. Оттого поэзія Великорусская такъ часто стремится въ область необъятнаго, выходящаго изъ границъ природной возможности, также часто ниспадаетъ до простой забавы и развлеченія. Историческое воспоминаніе сейчасъ обращается въ эпосъ и превращает- ся въ сказку; тогда какъ, напротивъ, въ пѣсняхъ южнорусскаго племе- ни оно болѣе удерживаетъ дѣйствительности и часто не нуждается въ возведеніи этой дѣйствительности до эноса для того, чтобы блистать силою роскошной поэзіи. Въ Великорусскихъ пѣсняхъ есть тоска, раз- думье, но нѣтъ почти той мечтательности, которая такъ поэтически плѣняетъ насъ въ южно-русскихъ пѣсняхъ, уноситъ душу въ область

воображенія и согрѣваетъ сердце неземнымъ, не здѣшнимъ огнемъ. Участіе природы слабо въ великорусскихъ пѣсняхъ и чрезвычайно сильно въ нашихъ: южнорусская поэзія нераздѣльна отъ природы, она оживляетъ ее, дѣлаетъ ее участницею радости и горя человѣческой души; травы, деревья, птицы, животныя, небесныя свѣтила, утро и вечеръ, зной и снѣгъ — все дышетъ, мыслить, чувствуетъ вмѣстѣ съ человѣкомъ, все откликается къ нему чарующимъ голосомъ то участія, то надежды, то приговора. Любовное чувство, обыкновенно душа всякой народной поэзіи, въ Великорусской поэзіи рѣдко возвышается надъ матеріальностью; напротивъ, въ нашихъ оно достигаетъ высочайшаго одухотворенія, чистоты, высоты побужденія и граціи образовъ. Даже матеріальная сторона любви въ шуточныхъ пѣсняхъ изображается съ тою анакреонтической граціею, которая скрадываетъ тривиальность и самую чувственность одухотворяетъ, облагораживаетъ. Женщина въ великорусскихъ пѣсняхъ рѣдко возвышается до своего человѣческаго идеала; рѣдко ея красота возносится надъ матеріею; рѣдко влюбленное чувство можетъ въ ней цѣнить что нибудь за предѣломъ тѣлесной формы; рѣдко выказывается доблесть и достоинство женской души. Южнорусская женщина въ поэзіи нашего народа, напротивъ, до того духовно-прекрасна, что и въ самомъ своемъ паденіи высказываетъ поэтически свою чистую натуру, и стыдится своего униженія. Въ пѣсняхъ игривыхъ, шуточныхъ, рѣзко выражается противоположность натуры того и другого племени. Въ южнорусскихъ пѣсняхъ этого рода вырабатывается прелесть слова и выраженія, доходитъ до истинной художественности: отдыхающая человѣческая природа не довольствуется простой забавой, но сознаетъ потребность дать ей излишнюю форму, не только развлекающую, но и возвышающую душу; веселіе хочетъ обнять ее стихіями прекраснаго, освятить мыслію. Напротивъ, великорусскія пѣсни такого разряда показываютъ не болѣе какъ стремленіе уставшаго отъ прозаической дѣятельности труда забыться на минуту какъ нибудь, не ломая головы, не трогая сердца и воображенія; пѣсня эта существуетъ не для себя самой, а для боковой декораціи другого, чисто матеріальнаго, удовольствія.

Въ жизни великорусской, и общественной и домашней, видно болѣе или менѣе отсутствіе того, что составляетъ поэзію южнорусской жизни, какъ и обратно — въ послѣдней мало того, что составляетъ сущность, силу и достоинство первой. Великоруссы мало любятъ природу; у поселянина вы очень рѣдко можете встрѣтить въ огородѣ цвѣты, которые

найдутся почти при каждом дворѣ у нашего земледѣльца. Этого мало, Великорусскіе питаютъ какую-то вражду къ произрастеніямъ. Я знаю примѣры, что хозяева рубили деревья возлѣ домовъ безобразно построенныхъ, думая, что деревья мѣшаютъ красотѣ вида. Въ казенныхъ селахъ, когда начальство начало побуждать разводить около домовъ ветлы, чрезвычайно трудно было заставить поливать и холить ихъ и предохранять отъ истребленія. Когда въ двадцатыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія по распоряженію правительства сажали деревья по дорогамъ, это показалось до такой степени народу обременительною повинностію, что до сихъ поръ жалобы и негодованія отразились въ народныхъ пѣсняхъ, сложенныхъ до чрезвычайности тривіально. Въ Великороссіи много садовъ, но все почти плодовые, заводятся съ коммерческою цѣлію; рѣдко даютъ въ нихъ мѣсто лѣснымъ деревьямъ, какъ бесполезнымъ для матеріальной жизни. Рѣдко можно встрѣтить Великорусса, который бы сознавалъ и чувствовалъ прелесть мѣстоположенія, предался бы созерцанію небеснаго свода, вшивался безотчетно глазами въ зеркало озера, освѣщеннаго солнцемъ или луною, или въ голубую даль лѣсовъ, заслушался бы хора весеннихъ птицъ. Ко всему этому почти всегда чуждъ великорусскій человѣкъ, погруженный въ обыденные расчеты, въ мелкій омутъ матеріальныхъ потребностей. Даже въ образованномъ классѣ, сколько намъ случалось подмѣтить, остается та же холодность къ красотѣ природы, прикрытая, иногда очень неудачно и смѣшно, подражаніемъ западной иноземщинѣ, гдѣ, какъ извѣстно — однимъ по опыту, другимъ — по слуху, хорошій тонъ требуетъ показывать любовь и сочувствіе къ природѣ. Въ такомъ случаѣ Великорусскіе обращаютъ свое заимствованное природолюбіе на предметы рѣдкіе, выходящіе изъ общей сферы окружающихъ его явленій, и тѣшатъ свои глаза искусственно вращенными камеліями, рододендронами, магноліями, никакъ не подозревая, что истинное чувство, способное дѣйствительно уловить и созерцать поэзію природы, именно въ этомъ-то не найдетъ ея, отвернется отъ нарядныхъ уроковъ къ соснамъ, березамъ нашихъ рощъ, погрузится въ созерцаніе безыскусственнаго, хотя бѣднаго, но живого, неиспорченнаго, неподдѣльнаго міра твореній Божіихъ.

При скудости воображенія, у Великоруссовъ чрезвычайно мало суетвѣрій, хотя зато чрезвычайно много предразсудковъ, и они держатся ихъ упорно. Южноруссы, напротивъ, съ перваго раза представляются въ высшей степени суетвѣрнымъ народомъ; въ особенности на западѣ южнорусской земли это сказывается очень разительно (можетъ быть, по удален-

ности отъ великорусскаго вліянія). Чуть не въ каждомъ селѣ существуютъ поэтическіе рассказы о явленіяхъ мертвыхъ съ того свѣта въ самыхъ разнообразныхъ видахъ, отъ трогательнаго рассказа о явленіи мертвой матери, обмывающей своихъ малютокъ, до страшнаго образа вампировъ, распинающихся вполночь на могильныхъ крестахъ и вопіющихъ дикимъ голосомъ: *мяса хочу!* — съ насыпями, разсыянными въ такомъ изобиліи по богатой историческою жизнію странѣ, соединяются преданія о давно-протекшихъ временахъ туманной старины, и въ этихъ преданіяхъ проглядываютъ сквозь пестро-цвѣтистую сѣть лучей народнаго вымысла, слѣды незаписанной писаными лѣтописями древности. Волшебство со своими причудливыми приемами; міръ духовъ въ самыхъ разнообразныхъ образахъ и спрахахъ, подымающихъ на головѣ волосы, и возбуждающихъ смѣхъ до икоты... все это облекается въ стройные рассказы, въ изящныя картины. Народъ иногда самъ плохо вѣритъ въ дѣйствительность того, что рассказываетъ, но не разстанется съ этимъ рассказомъ, доколѣ въ немъ не погаснетъ чувство красоты, или пока старое не найдетъ обновленія своего поэтическаго содержанія въ новыхъ формахъ.

Совѣмъ не то въ Великороссіи. Тамъ, какъ мы сказали, одни предразсудки; Великорусъ вѣритъ въ чертей, домовыхъ, вѣдьмъ, потому что получилъ эту вѣру отъ предковъ; вѣритъ потому, что не сомнѣвается въ ихъ дѣйствительности, вѣритъ такъ, какъ бы вѣрилъ въ существованіе электричества или воздушнаго давленія; вѣритъ потому, что вѣра нужна для объясненія непонятныхъ явленій, а не для удовлетворенія стремленія возвыситься отъ плоской юдоли матеріальной жизни въ сферу свободнаго творчества. Вообще фантастическихъ рассказовъ у него мало. Черти, домовые очень матеріальны; сфера загробной жизни, духовный міръ мало занимаетъ Великорусса, и почти нѣтъ исторій о явленіяхъ души послѣ смерти; если же она встрѣчается, то заимствованная изъ книгъ и новыхъ и старыхъ, и скорѣе въ церковной обработкѣ, а не въ народной. За то, по духу нетерпимости, Великорусъ гораздо упорнѣе въ своихъ предразсудкахъ. Я былъ свидѣтелемъ случая очень характеристическаго, когда одного господина обвиняли въ безбожій и богохульствѣ за то, что онъ отозвался съ пренебреженіемъ о вѣрѣ въ существованіе чертей.

Въ кругу грамотныхъ людей, только-что вступающихъ въ книжную сферу, вы можете наблюдать, какія книги особенно занимаютъ Великорусса и на что именно онъ обращаетъ вниманіе въ этихъ книгахъ. Сколько мнѣ удалось замѣтить — или серьезные книги, но только такія, ко-

торыя прямо относятся къ занятію читателя и даже только то изъ нихъ, что можетъ быть примѣнено къ ближайшему употребленію, или же легкое, забавное, служащее минутному развлеченію безъ созерцанія построенія, безъ сознанія идеи; поэты читаются или съ цѣлію развлеченія (и въ этомъ случаѣ нравятся въ нихъ то, что можетъ слегка пробѣгать по чувствамъ своимъ разнообразіемъ или необыкновенностью положенія), или же для того, чтобъ показать, что читатель образованъ настолько, чтобъ понимать то, что считается хорошимъ. Часто можно встрѣчать лица, которыя даже восторгаются красотами поэзіи, но въ самомъ дѣлѣ, какъ хорошенько осязать ихъ душу, то увидишь, что здѣсь играетъ не истинное чувство, а только аффектація. Аффектація — признакъ отсутствія истиннаго пониманія поэзіи. Аффектація въ нашемъ образованномъ обществѣ — черта черезчуръ обычная; оттого-то, кажется, у насъ и замѣтно сочувствіе къ Французамъ преимущественно предъ другими народами, ибо это народъ заявившій себя мало поэтическимъ, народъ, у котораго литература и искусство и отчасти даже наука — на эффектахъ.

Если у Великорусовъ былъ истинно великій, геніальный, самобытный поэтъ, то это одинъ Пушкинъ. Въ своемъ безсмертномъ, великомъ Евгеніи Онѣгинѣ, онъ выразилъ одну только половину великорусской народности — народности такъ называемаго образованнаго и свѣтскаго круга. Удачные описатели нравовъ и быта были, но это не творцы-поэты, которые бы заговорили языкомъ всей массы, сказали бы то и такъ, за что съ чувствомъ схватилась бы масса, какъ бы невольно долженъ былъ сказать каждый изъ этой массы, и сказать голосомъ поэзіи, а не прозы. Но, повторимъ, мы далеки отъ того, чтобы отрицать въ великорусскомъ народѣ поэтическій элементъ; мы говоримъ только, что въ немъ нѣтъ тѣхъ пріемовъ поэзіи, какіе есть у насъ и какіе до сихъ поръ прозывались искусствомъ. Пѣсни великорусскія, за отсутствіемъ всего этого, представляютъ однако оригинальнѣйшую поэзію, которая какъ будто говоритъ, что народъ, творившій эти пѣсни, хранить на днѣ своей натуры такія новыя стороны поэтической стихіи, которая нѣкогда блеснетъ новымъ, неожиданнымъ блескомъ. Не смотря на близость и историческую и племенную насъ, Южноруссовъ, къ Великоруссамъ, замѣчительно, что въ мірѣ литературы имъ часто нравится то, что намъ никакъ не можетъ нравиться. Напримѣръ, я видалъ многихъ Великоруссовъ, приходившихъ въ восторгъ отъ стиховъ Некрасова, и, признаюсь, не видалъ Южноруссовъ, на которыхъ бы онъ дѣйствовалъ поэтическою стороною.

Въ сферѣ религіозности мы уже показали рѣзкое отличіе южно-русской народности отъ великорусской въ совершенномъ непричастіи первой къ расколамъ и отпаденіямъ отъ церкви изъ-за обрядовъ и формулъ. Любопытно разрѣшить вопросъ, откуда въ Великороссіи возникло это оригинальное настроеніе, это стремленіе спорить за букву, придавать догматическую важность тому, что составляетъ часто не болѣе, какъ грамматическій вопросъ или дѣло обрядословія? Кажется, что это происходитъ отъ того же практическаго, матеріальнаго характера, которымъ вообще отличается сущность великорусской природы. Въ самомъ дѣлѣ, наблюдая надъ великорусскимъ народомъ во всѣхъ слояхъ общества, мы встрѣтимъ нерѣдко людей истинно христіанской нравственности, которыхъ религіозность обращена къ практическому осуществленію христіанскаго добра, но въ нихъ мало внутренняго благочестія, пѣтизма; мы встрѣчаемъ ханжей, изуверовъ, строгихъ исполнителей внѣшнихъ правилъ и обрядовъ, но также безъ внутренняго благочестія, большею частью хладнокровныхъ къ дѣлу религіи, исполняющихъ внѣшнюю ея сторону по привычкѣ, мало отдающихъ себѣ отчета, почему это дѣлается, и наконецъ въ высшемъ, такъ называемомъ образованномъ классѣ, лицъ мало вѣрующихъ, или и совсѣмъ не вѣрующихъ, не въ слѣдствіе какого нибудь мысленнаго труда и боренія, а по увлеченію, потому что имъ кажется невѣріе признакомъ просвѣщенія. Истинно благочестивыя природы составляютъ исключеніе, и благочестіе, духовная созерцательность у нихъ—признаки не народности, не общаго натурѣ народной, а ихъ собственной индивидуальной особенности. Между Южноруссами мы встрѣтимъ совсѣмъ обратное въ характерѣ. У этого народа много именно того, чего недостаетъ у Великоруссовъ; у нихъ сильно чувство всеприсутствія Божія, душевное умиленіе, внутреннее обращеніе къ Богу, тайное размышленіе о Промыслѣ, надъ собою, с рдечное влеченіе къ духовному, неизвѣстному, непредставляемому воображеніемъ, таинственному, но отрадному міру. Южноруссы исполняютъ обряды, уважаютъ формулы, но не подвергаютъ ихъ критикѣ; въ голову не войдетъ никакъ, нужно ли два или три раза пѣть аллилуіа, тѣми или другими пальцами слѣдуетъ дѣлать крестное знаменіе; и если бы возникъ подобный вопросъ, то для разрѣшенія его достаточно объясненія священника, что такъ постановила церковь. Если бы понадобились какіе нибудь измѣненія въ наружныхъ сторонахъ богослуженія или переводъ книгъ св. писанія, Южноруссы никогда не возстали бы противъ этого, имъ бы не взошла мысль подозрѣвать какого нибудь искаженія святыни. Они понимаютъ, что внѣшность уста-

навивается церковью, изображаемую видимо въ ея руководящих членахъ, и что эти члены постановять, не извращая сущности, міряне безпрекосовно этому должны слѣдовать; ибо коль-скоро та или другая внѣшность выражаетъ одну и ту же сущность, то самая внѣшность не представляетъ и такой важности, чтобъ можно сдѣлать ее предметомъ спора. Намъ случалось говорить съ религіозными людьми и той и другой народности; Великорусскъ проявляетъ свою набожность въ словоизвѣтіяхъ надъ толкованіемъ внѣшности, буквы, принимаетъ въ этомъ важное участіе; если онъ строго православный, то православіе его состоитъ преимущественно во внѣшней сторонѣ; Южнорусскъ станетъ изливать свое религіозно-нравственное чувство; не будетъ толковать о богослуженіи, объ обрядахъ, праздникахъ, а скажетъ свое благочестивое впечатлѣніе, производимое на него богослуженіемъ, торжественностію обряда, высокимъ значеніемъ праздника и т. д. Зато у насъ и образованный классъ не такъ легко поколебать въ вѣрѣ, какъ Великоруссовъ; заблужденіе, невѣріе вѣдряется въ нашей душѣ только вслѣдствіе долгой, глубокой борьбы; напротивъ, къ сожалѣнію, мы видѣли великорусскихъ юношей, воспитанныхъ, какъ видно, съ дѣтства въ строгой набожности, въ исполненіи предписанныхъ церковныхъ правилъ; но они при первомъ легкомъ нападении, а нерѣдко вслѣдствіе нѣсколькихъ остроумныхъ выраженій, покидаютъ знамя религіи, забываютъ внушенія дѣтства и безъ борьбы, безъ постепенности, переходить къ крайнему безвѣрію и материализму. Народъ южнорусскій — глубоко религіозный народъ, въ самомъ обширномъ смыслѣ этого слова; такъ или иначе поставили бы его обстоятельства, то или другое воспитаніе было бы имъ усвоено, до тѣхъ поръ, пока будетъ существовать сумма главныхъ признаковъ, составляющихъ его народность, онъ всегда сохранитъ въ себѣ начало религіи: это неизбѣжно при томъ поэтическомъ настроеніи, которымъ отличается его духовный складъ. Гдѣ поэзія, тамъ религія; одно безъ другого не мыслимо; вѣру въ душѣ убиваетъ анализъ; но поэзія противоположна анализу; поэтическая способность состоитъ въ соединеніи того, что анализъ разрываетъ по частямъ, въ созданіи цѣльнаго образа, который анализъ разлагая уничтожаетъ. Съ поэзіей неизбѣжна вѣра въ прекрасное, а прекрасное не подлежитъ анализу, ибо оно духовно; можно анализировать только матеріалъ, въ которомъ появляется прекрасное, можно разложить по частямъ музыкальный инструментъ и изслѣдовать эти части самымъ подробнымъ образомъ; можно съ другой стороны изслѣдовать законы звука, способъ передачи его чрезъ воздухъ нашему слуху, но нельзя

уловить и подвергнуть мелкому изслѣдованію цѣльность впечатлѣнія, производимаго сочетаніемъ звуковъ: оно цѣло, недѣлимо, духовно. Попытки матеріалистовъ добратся путемъ анализа явленій до сущности впечатлѣнія, производимаго изящнымъ на душу нашу, оставались и всегда останутся безуспѣшными и будутъ обличать собственную неспособность чувствовать и понимать красоту въ тѣхъ, которые на это рѣшались. Французы, народъ, какъ мы замѣтили, глубоко непоэтический, еще въ прошломъ столѣтіи возвѣщали теорію изящнаго, основанную на признакахъ его сущности, въ простомъ подражаніи природѣ. Эта мысль по душѣ Веллкоруссамъ и въ наше время была высказываема, и искренно, тѣми, у которыхъ доставало искренности говорить то, что они дѣйствительно ощущаютъ и, конечно, раздѣлялась многими, увидѣвшими отраженіе того, что давно таилось въ ихъ сердцахъ. Въ комъ есть живая струна поэзіи, того ничѣмъ нельзя разубѣдить въ присутствіи духовной творческой силы въ произведеніяхъ искусства, нельзя потому, что онъ ее ощущаетъ. Такъ точно нельзя никакими доводами матеріализма убѣдить въ несуществованіи духовнаго начала того, кто чувствуетъ его въ себѣ, и потому не нуждается ни въ доказательствахъ, ни въ опроверженіяхъ, какъ не нуждаемся мы ни въ какихъ словопреніяхъ о томъ, въ холодномъ или тепломъ мы воздухѣ, когда тѣло наше это сказывается намъ.

Съ присущностью поэзіи въ душѣ, съ чувствомъ красоты и способностью — уразумѣть ее, тѣсно соединено сознаніе нравственности, добра. Матеріалистъ неспособенъ понимать и любить добро, матеріалистъ понимаетъ одну только пользу. Если онъ добръ отъ природы, онъ выражаетъ свою доброту только тѣмъ, что готовъ дѣлать другимъ то, что считаетъ полезнымъ; самое высокое проявленіе его доброты состоитъ въ томъ, когда онъ готовъ дѣлать для другого то, въ чемъ, по своему положенію, не ощущаетъ полезности, но что другой считаетъ для себя полезнымъ. Но преимущественно добродѣтель его основывается на такомъ силлогизмѣ: если другому буду дѣлать добро, то и мнѣ станутъ его дѣлать. Совершенно не то у человѣка, въ которомъ есть даръ и привычка ощущать въ себѣ живую душу и видѣть ее внутреннимъ зрѣніемъ, въ оболочкѣ вѣшнихъ для него явленій. Онъ не анализируетъ добра, которое и нельзя анализировать, какъ прекрасное; онъ созерцаетъ его въ его цѣльности и воспринимаетъ его всею духовнымъ существомъ своимъ. Добро, облеченное въ фактъ въ матеріальномъ бытіи, можетъ отразиться посредствомъ того, что называется пользою и что всегда такъ будетъ, но творящій доброе дѣло не думаетъ о пользѣ, а ви-

дѣлать предъ собою одно добро въ его нравственномъ совершенствѣ. Кто дѣлаетъ, имѣя въ виду пользу, тотъ необходимо при своемъ дѣйствіи задаетъ себѣ вопросъ, полезно ли то, что онъ намѣренъ творить; но кто думаетъ о добрѣ безотносительно къ пользѣ, тому не нужно разсужденія: онъ творитъ по внушенію чувства и разумнаго созерцанія красоты добра, дѣйствующей неотразимо на его волю.

Въ общественныхъ понятіяхъ, исторія напечатлѣла, на двухъ нашихъ народностяхъ, свои слѣды и установила въ нихъ понятія совершенно противоположныя. Стремленіе къ тѣсному слитію частей, уничтоженіе личныхъ побужденій подъ властію общихъ, ненарушимая законность общей воли, выраженная какъ бы смысломъ тяжелой судьбы, совпадаетъ, въ великорусскомъ народѣ, съ единствомъ семейнаго быта и съ поглотеніемъ личной свободы идеєю *мира*, выразились въ народномъ бытѣ недѣлимостію семей, общинною собственностію, тягломъ посадовъ и селъ въ старину, гдѣ невинный отвѣчалъ за виновнаго, трудолюбивый работалъ за лѣниваго. Какъ глубоко лежитъ это въ душѣ Великорусса, показываетъ то, что по поводу устройства крестьянъ въ наше время, заговорили въ пользу этого Великоруссы съ разныхъ точекъ зрѣнія, подъ вліяніемъ и заимодалаго Московскаго Славянофильства, и новомоднаго французскаго социализма. Для Южнорусса нѣтъ ничего тяжеле и противнѣе такого порядка, и семьи южнорусскія дѣлятся и дробятся, какъ только у членовъ ихъ является сознаніе о потребности самобытной жизни. Опека родителей надъ взрослыми дѣтьми кажется для южнорусса несноснымъ деспотизмомъ. Претензія старшихъ братьевъ надъ меньшими, какъ дядей надъ племянниками, возбуждаютъ неистовую вражду между ними. Кровная связь и родство мало располагаютъ у насъ людей къ согласію и взаимной любви; напротивъ очень часто люди привѣтливые, кроткіе, мирные и уживчивые находятся въ непримиримой враждѣ со своими кровными. Ссоры между родными — явленіе самообыкновенное и въ низшемъ и въ высшемъ классѣ. Напротивъ, у Великоруссовъ, кровная связь заставляетъ человѣка нерѣдко быть къ другому дружелюбнѣе, справедливѣе, снисходительнѣе, даже когда онъ вообще отличается этими качествами въ отношеніи къ чужимъ. Въ Южной Руси, чтобы сохранить любовь и согласіе между близкими родственниками, надобно имъ разойтись и какъ можно меньше имѣть общаго. Взаимный долгъ, основанный не на свободномъ соглашеніи, а на роковой необходимости, тягостенъ для Южнорусса, тогда какъ Великорусса онъ болѣе всего успокаиваетъ и умирятъ его личные побужденія. Великоруссъ изъ покорности долгу готовъ принудить себя любить своихъ ближ-

нихъ по крови, хотя бы они ему не по душѣ, снисходить къ нимъ, потому что они ему сродни, чего бы онъ не сдѣлалъ по убѣжденію, онъ готовъ для нихъ на личное пожертвованіе, сознавая, что они того не стоятъ, но что они все таки *своя кровь*. Южнорусъ, напротивъ, готовъ, кажется, разлюбить ближняго за то, что онъ его кровный, менѣе снисходителенъ къ его слабостямъ, чѣмъ къ чужому, и вообще родство ведетъ его не къ утверженію добраго расположенія, а скорѣе къ его ослабленію. Нѣкоторые Великоруссы, пріобрѣвшіе себѣ въ Южной Руси имѣнія, затѣвали иногда вводить въ малорусскія семьи великорусскую плотность и недѣлимость, и плодомъ этого были отвратительныя сцены: не только родные братья готовы были поминутно завести драку, но сыновья вытаскивали отцовъ своихъ за волосы черезъ пороги дома. Чѣмъ болѣе принципъ семейной власти и прочной кровной связи виѣдряется въ жизнь, тѣмъ превратнѣе онъ на нее дѣйствуетъ. Южнорусъ тогда почтительный сынъ, когда родители оставляютъ ему полную свободу и сами на старости лѣтъ подчиняются его волѣ; тогда добрый братъ, когда съ братомъ живетъ какъ сосѣдъ, какъ товарищъ, не имѣя ничего общаго, нераздѣльнаго. Правило: *каждому свое*, соблюдается въ семействахъ; не только взрослые члены семьи не надѣваютъ одежды другого, даже у дѣтей у каждаго свое; у Великоруссовъ, въ крестьянскомъ быту, часто двѣ сестры не знаютъ, кому изъ нихъ принадлежитъ тотъ или другой тулупъ, а объ отдѣльной принадлежности у дѣтей не бываетъ и помина.

Обязательная общинность земская и отвѣтственность личности міру для Южноруса есть въ высшей степени неносимѣйшее рабство и вопиющая несправедливость. Не смѣть назвать ничего своимъ, быть батракомъ какого-то отвлеченнаго понятія о *мірѣ*, отвѣчать за другого безъ собственнаго желанія — ко всему этому не расположила народъ южнорусскій его прошедшая жизнь. *Громада* по южнорусскому понятію совѣтъ не то, что *міръ* по великорусскому. Громада есть добровольная сходка людей; кто хочетъ — въ ней участвуетъ, кто не хочетъ — выходитъ, такъ какъ въ Запорожьѣ — кто хотѣлъ — приходилъ, кто хотѣлъ — выходилъ оттуда добровольно. По народному понятію, каждый членъ громады есть самъ по себѣ независимая личность, самобытный собственникъ; обязанность его къ громадѣ только въ сферѣ тѣхъ отношеній, которыя устанавливаютъ связь мажду ея членами для взаимной безопасности и выгодъ каждаго, — тогда-какъ, по великорусскому понятію, міръ есть какъ бы отвлеченное выраженіе общей воли, поглощающей личную самобытность каждаго. Главное различіе здѣсь, конечно, истекаетъ отъ по-

земельной общинности. Коль скоро членъ міра не можетъ назвать своею собственностію участокъ земли, который онъ обрабатываетъ, онъ уже не свободный человѣкъ. Мірское устройство великорусское есть стѣсненіе, и потому форма послѣдняго, введенная властію, приняла въ себя духъ и смыслъ, господствующій въ Великороссіи; корень его лежалъ уже въ глубинѣ народной жизни: оно истекло нравственно изъ того же стремленія къ тѣсному сплоченію, къ единству общественному и государственному, которое составляетъ, какъ мы показали, отличительный признакъ великорусскаго характера. Частная поземельная собственность выводится такимъ легальнымъ путемъ изъ великорусской общественной философіи. Все общество отдастъ свою судьбу олицетворенію своей власти, тому лицу, которое поставляетъ надъ обществомъ Богъ, и, слѣдовательно, все обязано ему повиновеніемъ. Такимъ образомъ, все принадлежитъ ему безусловно, какъ намѣстнику Божію; отсюда понятіе, что все Божье да царское. И предъ царемъ, какъ и предъ Богомъ, всѣ равны. Но какъ Богъ одного возвышаетъ, награждаетъ, а другого караетъ, унижаетъ, такъ поступаетъ и царь, исполняющій на землѣ божественную волю. Это выражается прекрасно пословицею: воля Божья, судъ царевъ. Отсюда народъ безропотно сносилъ даже и то, что казалось превосходило мѣры человѣческаго терпѣнія, какъ, напримѣръ, душегубства Іоанна Грознаго. Царь дѣлалъ несправедливо, жестоко, но тѣмъ не менѣе онъ былъ орудіемъ Божіей воли. Противиться царю, хотя бы и несправедному, значитъ противиться Богу: и грѣшно и бесполезно, потому что Богъ пошлетъ еще худшія бѣды. Имѣя безусловную власть надъ обществомъ, царь есть *государь*, то есть, полный владѣтель собственникъ всего государства. Слово *государь* именно означало собственника, имѣющаго право безусловно, по своему усмотрѣнію, распорядиться всѣмъ, что есть въ его государствѣ, какъ своими вещами. Оттого-то древніе Новгородцы, воспитавшіе себя подъ иными началами, различные притомъ отъ Великоруссовъ по народности, такъ взволновались, когда Иванъ III задумалъ измѣнить древній титулъ *господина* на титулъ *государя*. Понятіе о господинѣ выражало лицо, облеченное властію и уваженіемъ; господъ могло быть много: и владыка былъ господинъ, и посадникъ — господинъ; но государь былъ лицо, о власти котораго не могло быть и разсужденія: онъ былъ единъ, какъ единъ собственникъ вещи; Иванъ домогался быть государемъ въ Новгородѣ, хотѣлъ замѣнить собою Великій Новгородъ, который былъ до того времени государемъ; также точно какъ въ Великороссіи великій князь замѣнилъ обществен-

ную волю всей націи. Будучи самодержавнымъ творцомъ общественныхъ условій, государь дѣлалъ все и, между прочимъ, жаловалъ за службу себѣ землями. Такимъ образомъ земля принадлежала, по первоначальному понятію, міру, то есть, всему обществу; по передачѣ этого права — лицу государя, давалась отъ послѣдняго въ пользованіе отдѣльнымъ лицамъ, которыхъ угодно было государю возвысить и надѣлать. Мы говоримъ *пользованіе*, ибо въ точномъ значеніи *собственниковъ* не было. То, что давалось отъ царя, всегда могло быть отнято и отдано другому, что безпрестанно и случалось. Коль скоро образовалось отношеніе рабочихъ къ такому землевладѣльцу, то землевладѣлецъ, естественнымъ порядкомъ, получилъ значеніе олицетвореннаго міра, также какъ царь въ значеніи олицетворенной націи. Крѣпостной человекъ соединялъ свою судьбу съ достоинствомъ господина: воля барина стала для него замѣнять собственную волю, точно также, какъ тамъ, гдѣ не было барина, эту собственную личную волю поглощалъ міръ. У помѣщичьихъ крестьянъ земля принадлежитъ барину, который даетъ ее лицамъ, земледѣльцамъ, по своему усмотрѣнію; такъ и у казенныхъ крестьянъ: земля отдана міру въ пользованіе, а міръ, по своему усмотрѣнію, даетъ ее отдѣльнымъ лицамъ въ пользованіе. Въ Южной Руси, которой историческая жизнь текла иначе, не составилось такого понятія о мірѣ. Тамъ прежнія древнія удѣльно-вѣчевыя понятія продолжали развиваться и встрѣтились съ польскими, которыя, въ основѣ своей, имѣли много общаго съ первыми и если измѣнились, то вслѣдствіе западно-европейскихъ понятій. Древнее право личной свободы не было поглощено перевѣсомъ общественного могущества и понятіе объ общей поземельной собственности не выработалось. Польскія идеи произвели въ старорусскихъ только тотъ переворотъ, что регулировали послѣднія. Каждый земледѣлецъ былъ независимымъ собственникомъ своего достоянія; польское вліяніе только обезопасило его отъ произвола народной воли, и прежде выражавшагося самодѣйствіемъ общества въ смыслѣ соединенія свободныхъ личностей, и облекло его владѣніе *de facto* правомъ. Такимъ образомъ, оно возвысило богатыхъ и вліятельныхъ, образовало высшій классъ, а массу бѣднаго народа повергло въ порабощеніе. Но тамъ магнаты владѣлецъ не представлялъ собою выраженія царской, а чрезъ нее и барской, воли: онъ владѣлъ *по праву*; въ переводѣ на болѣе простой языкъ — право это выражало силу, торжество обстоятельствъ и давность происхожденія. Тамъ крестьянинъ не могъ дать своему господину никакого значенія священной воли, ибо онъ отвлеченнаго права не понималъ, потому что самъ

имъ пользовался, а олицетворенія онъ не видалъ, ибо его господинъ былъ свободный человѣкъ. Естественнo, и рабъ, при первой возможности, желалъ сдѣлаться свободнымъ; тогда какъ въ Великороссіи онъ не могъ этого желать, ибо находилъ своего господина завистливымъ отъ другой высшей воли, такъ же какъ онъ самъ завистелъ отъ него. У Южноруссовъ рѣдко были случаи, чтобъ крѣпостной былъ искренно расположенъ къ своему господину, чтобъ такъ былъ связанъ съ нимъ безкорыстною, будто сыновнею, любовью, какъ это не рѣдко мы видѣли въ мірѣ отношеній господъ къ крестьянамъ и слугамъ въ Великороссіи. У Великороссіянъ встрѣчаются примѣры трогательной привязанности такого рода. Крѣпостной человѣкъ, слуга, рабъ, нерѣдко преданъ своему барину вполнѣ, душою и сердцемъ, даже и тогда, когда баринъ не цѣнитъ этого. Онъ хранитъ барское добро, какъ свое; радуется, когда честолюбивый баринъ его получаетъ почетъ. Намъ случалось видѣть господскихъ слугъ, которымъ повѣрялось заведывать какимъ нибудь интересомъ. Сами довѣренные были естественные плуты, и надували всякаго въ пользу своего барина, но въ отношеніи послѣдняго были аристидовски честны и прямодушны. Напротивъ, Малороссы оправдываютъ собою пословицу: волка сколько ни корми, все въ лѣсъ смотреть. Если крѣпостной слуга не обманетъ господина, то потому, что никого не обманываетъ; но если ужъ искусился на обманъ, то обманетъ прежде своего барина. Какъ часто случалось слышать жалобы на Малороссіянъ отъ тѣхъ владѣльцевъ, которые, будучи Великоруссами по происхожденію, приобрѣли себѣ населенныя имѣнія въ Южнорусскомъ краѣ. Напрасно добрымъ обращеніемъ и справедливостію старались они привязать къ себѣ подданныхъ; барскія работы исполнялись всегда безъ желанія, и оттого-то между высшимъ классомъ у насъ распространилось убѣжденіе, что Малороссіяне — народъ лѣнивый. Ни искренности, ни привязанности. Страхъ дѣйствуетъ на нихъ успѣшнѣе, и потому добрые господа дѣлались суровыми. Обыкновенно старались окружить свою особу Великоруссами, а съ малороссійскими крестьянами находились въ далекихъ отношеніяхъ, какъ бы къ чуждому народу. Тоже самое и еще хуже для Малорусса—*міръ* въ великорусскомъ смыслѣ этого слова. Что касается до укора, дѣлаемаго обыкновенно Малороссіянамъ въ лѣни, то они дѣлаются такими подлѣ условіями чуждыхъ имъ общественныхъ началъ крѣпостнаго или мірскаго права: послѣднее выражается для Малороссіянъ (которые не скованы узами общинной собственности), связью различныхъ условій, ограничивающихъ ихъ свободное распоряженіе со-

бою и своимъ достояніемъ, приближающихся къ мірескому устройству. Вообще же упрекъ въ лѣности несправедливъ; даже можно замѣтить, что Малорусскъ по своей природѣ трудолюбивѣе Великорусса и всегда такимъ показываетъ себя, коль скоро находитъ свободный исходъ своей дѣятельности.

Очень можетъ быть, что я во многомъ ошибся, представляя такія понятія о различіи двухъ русскихъ народностей, составившіяся изъ наблюденій надъ исторіей и настоящей ихъ жизнію. Дѣло другихъ будетъ обличать меня и исправить. Но разумѣя такимъ образомъ это различіе, я думаю, что задачею вашей *Основы* будетъ: выразить въ литературѣ то вліяніе, какое должны имѣть на общее наше образованіе своеобразные признаки южнорусской народности. Это вліяніе должно не разрушать, а дополнять и умѣрять то коренное начало великорусское, которое ведетъ къ сплоченію, къ слитію, къ строгой государственной и общинной формѣ, поглощающей личность, и стремленію къ практической дѣятельности, впадающей въ матеріальность, лишенную поэзіи. Южнорусскій элементъ долженъ давать нашей общей жизни растворяющее, оживляющее, одухотворяющее начало. Южнорусское племя, въ прошедшей исторіи, доказало неспособность свою къ государственной жизни. Оно справедливо должно было уступить именно великорусскому, примкнуть къ нему, когда задачею общей русской исторіи было составленіе государства. Но государственная жизнь сформировалась, развила и окрѣпла. Теперь естественно, если народность съ другимъ противоположнымъ основаніемъ и характеромъ вступитъ въ сферу самобытнаго развитія и окажетъ воздѣйствіе на великорусскую.

Совсѣмъ другое отношеніе южно-русской народности къ польской. Если южно-русскій народъ дальше отъ польскаго, чѣмъ отъ великорусскаго, по составу языка, то за то гораздо ближе къ нему по народнымъ свойствамъ и основамъ народнаго характера. Такой или подобной противоположности, какую мы замѣтили между Великоруссами и Южноруссами, не существуетъ между Поляками и Южноруссами ни во внутренней, ни во вѣтшней сторонѣ быта; напротивъ, если бы пришлось находить коренные признаки различія Поляковъ отъ Великоруссовъ, то во многомъ пришлось бы повторить тоже, что сказано о Южноруссахъ. Но за то, при такой близости, есть бездна, раздѣляющая эти два народа и притомъ — бездна, черезъ которую построить мостъ не видно возможности. Поляки и Южноруссы — это какъ бы двѣ близкія вѣтви, развившіяся совершенно противно: одни воспитали въ себѣ и утвердили начала пан-

ства, другіе — мужицтва, или выражаясь словами общепринятыми, одинъ народъ — глубоко аристократическій, другой — глубоко демократическій. Но эти термины не вполне подходятъ подъ условія нашей исторіи и нашего быта; ибо какъ польская аристократія слишкомъ демократическая, такъ наоборотъ аристократична южнорусская демократія. Тамъ панство ищетъ уравнинія въ своемъ сословіи; здѣсь народъ, равный по праву и положенію, выпускаетъ изъ своей массы обособляющіяся личности и потомъ стремится поглотить ихъ въ своей массѣ. Въ польской аристократіи не могло никакъ принятъся феодальное устройство; шляхетство не допускало, чтобъ изъ его сословія одни были по правамъ выше другихъ. Съ своей стороны, южнорусскій народъ, устанавливая свое общество на началахъ полнѣйшаго равенства, не могъ удержать его и утвердить такъ, чтобъ не выступали лица и семьи, стремившіяся сдѣлаться родами съ правомъ преимущества и власти надъ массою народа. Въ свою очередь масса возставала противъ нихъ то глухимъ негодованіемъ, то открытымъ сопротивленіемъ. Вглядитесь въ исторію Новгорода на сѣверѣ и въ исторію Гетманщины на югѣ. Демократическій принципъ народнаго равенства служить подкладкою; но на ней безпрестанно приподнимаются изъ народа высшіе слои, и масса волнуется и принуждаетъ ихъ уложиться снова. Тамъ нѣсколько разъ толпа черни, подъ возбуждательные звуки вѣчеваго колокола, разоряетъ и сожигаетъ до-тла Прусскую улицу — гнѣздо боярское; тутъ нѣсколько разъ *черная или чернецкая рада* истребляетъ *значныхъ кармазинниковъ*; и не исчезаетъ однако Прусская улица въ Великомъ Новгородѣ, не переводятся *значные* въ Украинѣ обѣихъ сторонъ Днѣпра. И тамъ и здѣсь эта борьба губитъ общественное зданіе и отдаетъ его въ добычу болѣе спокойной, яснѣе сознающей необходимость прочной общины, народности.

Замѣчательно, какъ народъ долго и вездѣ сохраняетъ заветныя привычки и свойства своихъ прародителей: въ Черноморьѣ, на Запорожскомъ новосельѣ по разрушеніи Сѣчи, совершалось тоже, что нѣкогда въ Малороссіи. Изъ общинъ, составлявшихъ курени, выдѣлились личности, заводившія себѣ особые хутора. Въ южнорусскомъ сельскомъ быту совершается почти подобное въ своей сферѣ. Зажиточныя семьи возвышаются надъ массою и ищутъ надъ нею преимущества, и за то масса ихъ ненавидитъ; но у массы нѣтъ понятія, чтобъ человѣкъ лишился самостоятельности, нѣтъ началъ поглощенія личности общинностію. Каждый ненавидитъ богача, знатнаго, не потому чтобъ онъ имѣлъ въ головѣ какую

нибудь утопію о равенствѣ, а, завидуя ему, досадуетъ, почему онъ самъ не таковъ.

Судьба южнорусскаго племени устроилась такъ, что тѣ, которые выдвигались изъ массы, обыкновенно теряли и народность; въ старину они дѣлались Поляками, теперь дѣлаются Великороссіянами: народность южнорусская постоянно была и теперь остается достояніемъ простой массы. Если же судьба оставить выдвинувшихся въ сферѣ прадѣдовской народности, то она какъ-то ихъ поглощаетъ снова въ массу и лишаетъ приобрѣтенныхъ преимуществъ.

Съ польскою народностію совершилось обратное: тамъ личности, выдвинувшіяся изъ массы, если они были Поляки, не мѣняють своей народности, не идутъ назадъ, но образуютъ твердое сословіе. Исторія связала Поляковъ съ Южноруссами такъ, что значительная часть польской шляхты есть не что иное, какъ переродившіеся Южноруссы, именно тѣ, которые силою счастливыхъ для нихъ обстоятельствъ выдвинулись изъ массы. Оттого и образовалось въ отношеніяхъ этихъ народностей такое понятіе, что польская есть панская, господская, а южнорусская холопская, мужицкая. Понятіе это остается и до сихъ поръ, и проявляется во всѣхъ попыткахъ Поляковъ на такъ называемое сближеніе ихъ съ нами. Поляки, толкующіе о братствѣ, о равенствѣ, въ отношеніи насъ высказываютъ себя панами. Подъ различными способами выраженія они говорятъ намъ: будьте Поляками; мы хотимъ васъ, мужиковъ, сдѣлать панами. И тѣ, въ либеральныя и честныя намѣренія которыхъ мы вѣримъ, говорятъ въ сущности тоже: если не идетъ дѣло о господствѣ и подавленіи нашего народа матеріально, то неоспоримо и явно ихъ желаніе подавить и уничтожить насъ духовно, сдѣлать насъ Поляками, лишить насъ своего языка, своего склада понятій, всей нашей народности, заключивъ ее въ польскую, что такъ ясно проявляется въ Галиціи.

Отъ этого-то, въ настоящее время, между нами и Поляками не можетъ быть такой обмѣны, такого соединенія и братства, какъ съ Великоруссами. Последніе по характеру противоположны намъ, но именно это и служитъ ручательствомъ необходимости этой связи: у Великоруссовъ есть то, чего у насъ нѣтъ, а мы съ своей стороны можемъ наполнить пробѣлы въ ихъ народности. Малоруссы сознавали и сознають неизбѣжность и неразрывность связи съ Великоруссами, потому что последніе способны столько же, сколько мы неспособны, къ организаціи, къ поддержкѣ общественнаго тѣла и правильности его отправленій; съ своей стороны мы не останемся лишними для нравственной цивилизаціи Великоруссовъ; до-

казательствомъ можетъ служить то, что добрый Великоруссъ какъ только заѣдетъ къ нашему народу, непременно насъ полюбитъ и получитъ симпатію къ малорусскому народу; онъ найдетъ въ немъ тѣ живительныя начала поэзіи, которыя мало судили развить Великороссамъ крутыя обстоятельства прежней ихъ исторіи. Поляки ничего отъ насъ не получаютъ, ибо ихъ коренныя свойства одинаковы съ нашими, но мы также не можемъ ничего отъ нихъ заимствовать, кромѣ панства, а это панство — убиваетъ нашу народность....

Н. Костомаровъ.